

жулики \$ среди нас

АФЕРА

роман
— о мобильных
махинациях —

АЛЕКСЕЙ
КОЛЫШЕВСКИЙ

Алексей Юрьевич Колышевский

Афера. Роман о мобильных махинациях

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440185

Афера : роман о мобильных махинациях: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45294-1

Аннотация

Роман Алексея Колышевского посвящен махинациям в сфере бизнеса мобильной связи. Существует множество неявных способов «отъема денег» у абонентов, которые позволяют туго набить карманы тех, чья работа в том и заключается, чтобы эти способы придумать и реализовать. Чем дальше, тем сложнее разобраться в водовороте услуг мобильных операторов: рингтоны, картинки, приколы – деньги текут рекой.

Содержание

Один день полной жизни	4
Веселые картинки в вашем телефоне	77
1	77
2	83
3	90
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алексей Колышевский

Афера. Роман о мобильных махинациях

*Посвящается больному обществу больной
страны*

*Елене Тихоновой,
Женщине разбившей мою жизнь.
За что лично от меня ей большое спасибо.*

Один день полной жизни

16 июня,

12 часа 44 минуты

Телефон милиции – 02. Мне – 32. Я никогда не звонил по телефону 02, поэтому мне немного не по себе. Хотя какое там «немного»? Трясет меня, как неисправный драндулет со сбитым зажиганием. Шутка сказать, на такое решиться? Ведь уголовное дело, если заметут!

Я воровато посмотрел по сторонам: никого. Пустой переулок и манящий таксофон. Никого. Ну так была не была, надо действовать быстро.

Пересек переулок: двенадцать шагов, я сосчитал каждый

про себя. Двенадцать ударов в темя, пульс сто двадцать, рванул трубку на себя, нажал две кнопки, услышал тусклый женский голос: «Вы позвонили в милицию. Пожалуйста, дождитесь ответа». Дождался:

– Милиция, двадцать вторая, что у вас случилось?

Еле успел зажать нос двумя пальцами! Чуть не забыл! Загнусавил, словно умный голубой слоненок в очках из мультика про 38 попугаев:

– Хочу сообщить, что в здании страховой компании «Сносно» заложена бомба.

– Адрес какой? – Голос «двадцать второй» на другом конце стал колючим.

– Чей адрес? – не понял я.

– Страховой компании «Сносно», – раздраженно бросила двадцать вторая, – и ваш, заодно.

– Адрес «Сносно»? Да вы что там? Вообще, что ли? Говорю вам – бомба там у них. Здоровенная такая. Рванет – мало не покажется!

– Я поняла, поняла, – смягчилась оператор. – Бомба, значит. В «Сносно», да, вы говорите?

– Да, в «Сносно». Скоро там все взорвется на хрен!

– Я поняла, поняла. – «Двадцать вторая» стала как-то ласковой, а оттого на мгновение роднее и ближе. Но только на мгновение. – Представьтесь, пожалуйста, – попросила она.

– Да пошла ты... – Я бросил трубку, и она с глухим стуком ударилась о пластиковую стенку таксофона: «Время тя-

нет эта «двадцать вторая». Сюда уже, небось, патрульный наряд мчится, опергруппа! Этого мне только не хватало. Что я за дурак, сразу не понял, зачем она с расспросами-то своими... Бежать! Бежать немедленно!»

Но побежать – значит привлечь к себе внимание. Хоть и пуст был переулок, все равно кто-нибудь обязательно увидит, из-за занавески... А потом, раздуваясь от собственной значимости: «Да, я видел его, он побежал вон туда. Такой высокий, худощавый, в черном пиджаке, с портфелем». Вот почему я не побежал, а ссутулился, свернул в первую попавшуюся подворотню, оттуда в сквер, потом во двор соседнего дома. Возле подъезда какой-то человек вылезал из желтого такси. Водитель в нетерпении постукивал ладонями по рулю. Я поравнялся с ним, наклонился:

– Свободен?

– Да, вот, – он кивнул в сторону удалявшегося недавнего клиента, – только что освободился. Вам куда?

– На Озерковскую.

– Пятьсот.

– Угу.

– Поехали.

Повезло, пробок почти не было, и доехали минут за пятнадцать. Хотелось курить, сигарет ноль, таксист курил «Винстон», стрельнул у него. Вышел в начале Озерковской и пошел полюбоваться на дело рук своих. Шел и думал: «Получилось или нет? По идее должно было получиться. Ведь у

них там, в 02, все разговоры должны записываться. Не могли они не отреагировать на мой звонок».

Перед центральным офисом «Сносно» скопилась огромная толпа, проехать по Озерковской с каждой минутой становилось все трудней, и вскоре вся набережная превратилась в одну сплошную пробку. Здание «Сносно» было оцеплено милицией и ОМОНОм.

– Прикинь, Саня, у нас в офисе бомбу ищут, а нас всех эвакуировали. – Какой-то клерк в лакированных ботинках, в полосатом костюмчике, плотно облегающем его упитанную фигуру, вытянув губы хоботком, оживленно сообщал по телефону последние новости: – Сейчас все столы обшмонают, небось, а у меня там два конверта с баблом осталось. В тумбочке! Прикинь! Вот засада! Я в суматохе не успел достать. Что? Да что я, у всех на глазах буду бабло ворошить, что ли? Я и так под колпаком (тут клерк длинно и некрасиво выругался), а тут целых два конверта! Я бы этого ублюдка, который про бомбу сообщил, порвал бы на фашистские знаки! Наверняка кто-то из сотрудников, кого недавно уволили, или недовольный клиент. Большой на всю голову сукин сын!

Наслаждаясь собственной неуязвимостью, я, стоя рядом с этим негодующим плутом, изнывал от желания подойти к нему поближе, взять за пуговицу пиджака и гаркнуть прямо в его сытую физиономию:

– А вот мы еще посмотрим, кто кого порвет, падла!

Но ничего такого я, конечно же, не сделал. Я, в сущности,

такая же «падла», как и он. «Конверты с баблом», ха! Знакомо. Парнишка «решает вопросы»: наверняка сидит на корпоративных клиентах, у которых автопарк исчисляется сотнями единиц, и «оптимизирует» для них страховку за половину стоимости дельты между максимальной и минимальной стоимостью полиса. Иными словами, «торгует скидкой». Схема стара как мир. А может, и нет, может, в розыскном отделе подвизался этот бедолага и возвращает стоимость угнанной машины, «ускоряет» процесс получения страховки по риску «угон» процентов за десять-пятнадцать от стоимости. Да чего там говорить-то! Правду сказать, так сплошь жулики в этих страховых компаниях. Весь страховой бизнес изначально построен на обмане, разводках и коррупции. Впрочем, на коррупции сейчас построено многое. Коррупция везде, куда ни глянь. И мне нравится это. Покуда жива коррупция, будут хорошо жить такие, как мы: я и этот страховщик и многие такие же – в полосатых костюмчиках и лакированных ботинках.

Преступника всегда тянет на место его преступления, и сейчас я, тихо и молча, любовался на дело рук своих. Все происходящее я воспринимал в виде компенсации за целую череду ужасных событий, обрушившихся на меня в течение этого, еще не закончившегося дня. Будущее, казалось мне, никогда не настанет. Я и не знал, что именно сегодня начинается моя новая жизнь. Я медленно побрел вдоль закопанной в гранит реки навстречу жаркому московскому солнцу.

На душе было пусто, и страшно хотелось выпить.

15 июня,

примерно за сутки

Во всем когда-то нужно успеть поставить точку, пока ее не поставил кто-то другой. Я решил, что больше никогда с ней не увижусь. Даже хотел позвонить и сказать ей:

– Знаешь, мы сегодня не встретимся.

Тогда она бы, наверное, спросила:

– Почему?

Да. Она спросила бы именно так. Мы давно готовились к этой встрече, все просчитали-подгадали – и вот на тебе! Я звоню и говорю, что ничего не получится. И после ее «почему» я бы сурово ответил:

– Знаешь, я понял, что пора всему этому положить конец. Наши отношения совершенно бесперспективны.

Клянусь, я сказал бы все это, я был готов к любой реакции – к истерике, к скандалу, даже к полному равнодушию ее ответу:

– Как хочешь. Мне все равно...

Хотя нет, не так. Что же я вру-то, в самом деле? Не был бы я готов к такому ответу, ведь бросал я ее, а не наоборот. Представляете себе, да? Вы, такой весь из себя решившийся, говорите, что, мол «все, Honey (как вариант Pussycat, Рыбка, Мышка, Кошка и тому подобные), больше ничего не будет». А в ответ полное безразличие. Это остужает. Это как удар

по яйцам. Чертовски больно, совершенно неожиданно.

– Шпок! (Звук удара по яйцам).

– Уяааа! (Ваш искренний вопль из глубины души).

Но ничего подобного не произошло. Моему намерению расстаться помешал запах. Я поджидал лифт на первом этаже, чтобы подняться в офис. И вот лифт опустился, раскрылись-разъехали его двери, и вышла из большой, зеркальной кабины какая-то девушка. Я думал о насущном и не обратил на нее внимания. По всей видимости, она была не в моем вкусе, так как я всегда обращаю внимание на девушек, если они в моем вкусе. Я вошел в кабину, нажал нужную мне кнопку и погрузился в ассоциативный поток. Девушка ушла, но в кабине остался запах ее духов. Маша (так звали мою любовницу) очень любила эти духи. Я вошел в лифт полным решимости прекратить всякие отношения с ней, а вышел оттуда, обо всем позабыв, словно кабина лифта оказалась чертом забвения. Вдыхая оставшийся от девушки аромат духов, я воспроизвел перед собой Машу. Она стремительно менялась, словно быстро запустили ролик, состоящий из множества ее фотографий, одна другой краше. Я вдруг понял, что больше всего на свете хочу сейчас оказаться с ней наедине. Какое там расставание?

Первым делом я набрал ее номер, сказал, что заканчиваю сегодня в пять вечера и сразу же поеду в отель. Там мы с ней и встретимся. Поинтересовался, когда она рассчитывает приехать.

– Не слишком задерживайся, – попросил я.

– Это еще вопрос, кто из нас придет раньше, – ответила она таким голосом, что мне стало жарко и хорошо. Мы увидимся! Сегодня! Как это замечательно! Это лучшее, что может случиться...

Я женат. Уже три года. За это время я много раз изменял своей жене с разными женщинами, но это было «просто так». Только секс, и ничего более. Так было до тех пор, пока я не встретил Машу. Я считал, что моя жена ни о чем не догадывается. Моя работа предполагала частые командировки и еще более частые вечерние мероприятия. В рекламе иначе не может быть: мы оживаем к вечеру, тогда как по утрам мы бледные полутрупы. Мы, рекламщики, дети ночи. Она пестует нас, насыщая существование острыми, как край бумаги для принтера, эмоциями. Я не совсем типичный рекламщик, у меня бессонница. Мне жаль тратить свою бесценную жизнь на сон, на потение под одеялом. Я курю и люблю виски. Я нравлюсь женщинам, и женщины нравятся мне. Маша изумительная любовница, ее характер точь-в-точь мой, с поправкой на то, что он женский. Мы с ней сделаны из одного теста, и все это, конечно, ужасно неправильно, что женат на ней не я, а кто-то другой. Хотя, кто знает? Будь она моей женой, разве были бы наши редкие свидания столь упоительными? Ну разумеется, нет. Все же хорошо, что жена моя ни о чем не догадывается...

16 июня,

4 часа

Я подошел к окну. В белесых утренних сумерках легкая штора казалась стеной ожидаемого уличного тумана. Окно словно растворилось, и туман просочился сюда, в наш тайный приют, где мы любили друг друга всю ночь, и лишь совсем недавно, под утро, в изнеможении отпустив друг другу наш общий грех, уснули, держась за руки.

Мой мозг включился, как всегда, очень рано. Он предпочитает вставать с петухами, черт бы побрал всю эту непознанную его систему, пронизанную нейронами. Мозг никогда не может отключиться полностью, и я после двух-трех часов полуборморочного состояния (так протекает мой сон – на грани яви и морока) просыпаюсь, словно от удара током. Мое пробуждение всегда молниеносно, я очень быстро «включаюсь». Мне не нужно ошалело смотреть по сторонам, трясти головой, мучительно соображая, где я, и вспоминая, что было накануне. Мне ни к чему протирать глаза, «наводить резкость»: у меня отличное зрение. Все мои жизненные функции, включая, уж простите мне такую подробность, шикарную эрекцию, начинают работать мгновенно и без сбоев, словно весь я – это какой-то супернадёжный компьютер, порождение яйцеголовых гениев Силиконовой долины. Не знаю, как долго это продлится, но чувствую, что мой жизненный ресурс не исчерпан еще и на треть.

Проведя рукой перед собою, я подсознательно стремился

ощутить кончиками пальцев волнительную и гнетущую своей неизвестностью туманную сырость. Но это была, конечно же, лишь штора, и я бесшумно отвел ее в сторону. Тогда сразу стало видно, как я обманывался, и обнаружилось, что за шторой никакого тумана нет вовсе, а вместо этого вдалеке, над лесом, встает багровое солнце, окрашивая черные верхушки сосен в пламенную охру. Солнце придавало лесу конкретику, прорисовывая каждый ствол. Мне казалось, что отсюда, сквозь стекло номера загородного отеля, я вижу невероятно далеко. Я различаю каждую ветку, каждую хвойную иглу, каждую резную деталь дубового листа. Начинался новый день, и я замер, прислушиваясь. Я медитировал. Я делаю так каждое утро. Я слушаю тишину, и она вовсе не кажется мне тихой. В тишине серебром переливается нежный голос ангельской капеллы и чуть более грубый хор демонов. Они поют о том, что ждет каждого из нас, они предсказывают будущее нового дня. Я понимаю суть их пения и настраиваю себя на то, что должно произойти. Я готовлю себя к встрече с неизбежностью. Когда-то я занимался буддистскими практиками, тогда я научился медитировать и быстро накапливать энергию Ци. С тех пор я перестал нормально спать.

...Багровое солнце. Говорят, что оно бывает таким на рассвете, если ночью где-то случилось страшное. Большая планета, на ней всегда что-то происходит. В том числе что-то нехорошее. И я удивляюсь, что солнце так редко багровеет на рассвете. Видимо, должно произойти что-то совершенно

особенное, выдающееся в своем роде, истинно злодейское. Там упал самолет, здесь случился пожар, тут, прямо посреди обреченной толпы, взорвала себя заблудшая фанатичка. Да, определенно сегодняшний день будет тяжелым: я услышал в тишине переливы печального и прекрасного голоса, он пел мне о том, чего уже не изменить. Я не понимал его языка, я лишь чувствовал его интонацию. Мне стало тревожно. Я никогда не привыкну к этому: слушать потустороннее пение – дар сомнительной ценности. Я бы сам себя назвал сумасшедшим, но всякий раз я убеждаюсь, что мои предчувствия верны. Буддистские монахи называют это способностью видеть другое измерение, иной мир, в котором гораздо раньше происходит все то, что только должно произойти в нашем мире. Спорить с ними бессмысленно. Я всегда предчувствую будущее как минимум на день вперед, но всякий раз меня охватывает смятение, если предчувствия мои тревожны. Постоянно находиться на пике эмоций – это синдром менеджера. Это погружение в постоянный стресс. «Колбасит» – и, если все время пребывать в этом состоянии, то от бастиона собственной личности очень скоро не останется камня на камне. Крепчать надо, вот что. Крепчать и заставлять себя переключаться. Заставлять себя радоваться...

Я обернулся. Маша разметалась на кровати, прекрасная в своей наготе, и я с наслаждением разглядывал ее нежные формы, похожие в утренних сумерках на контуры статуи работы Микеланджело. Я знаю, что этот мрамор теплый, подат-

ливый, страстный. Он иссушает и наполняет меня, вот почему я не могу отказаться от наслаждения встречаться с этой девушкой, проводить с ней редкие, преступные ночи, покупая их ценой обмана у своей жены.

При воспоминании о жене я чуть было не закашлялся и, зажав рот, затряс головой, отгоняя ненужные мысли. Это удалось мне невероятно легко. Настолько легко, что я удивился этому. Обычно меня начинала мучить совесть, я вспоминал, что женат, что Маша замужем, что нам с ней так хорошо именно потому, что встречаемся мы нечасто. Мы никогда не сможем создать семью и быть вместе постоянно. Это не нужно Маше. Это не нужно мне. Мы счастливы тому, что есть сейчас между нами, и не вправе рассчитывать на большее. Есть прирожденные психологи, врачи, учителя. Мы с Машей прирожденные любовники. Во всяком случае, мне очень хочется, чтобы это было именно так. Я благодарен ей за то, что она ни разу не заводила нудный разговор в стиле: «А представляешь, у нас с тобой семья?» Она умница. И, кажется, ее все устраивает.

Для наших обманутых половин мы на выездных семинарах. Мы оба работаем в очень и даже слишком больших компаниях, в которых подобное частенько практикуется. Выездной семинар – это когда все рассаживаются по автобусам и едут в такой же вот отель, где слушают интересные выступления настоящих бизнесменов и нудные выступления теоретиков от бизнеса. Потом все выпивают, играют в боулинг,

сплетничают о коллегах по работе и наутро, за завтраком, вливают в себя много холодного апельсинового сока.

Сегодня четверг. Наш «семинар» увы, закончился, и теперь неизвестно сколько времени должно пройти, прежде чем я смогу вот так же любоваться поутру Машей и наши автомобили простоят всю ночь рядом. Мне кажется, что они тоже равнодушны друг к другу: мой черный, похожий на мастодонта «Infinity» и ее изящный «BMW». Я посмотрел вниз, туда, где стояли машины. На их крышах сверкали капли утренней росы, и было в этом что-то невероятно трогательное и одновременно совершенно безумное, как бывает всякий раз, когда ловишь себя на мысли, что пытаешься очеловечить неодушевленный кусок, пусть и очень дорогого, железа.

Мой телефон беззвучно подавал тревожные признаки жизни. Кому это я понадобился в пять утра? Оказалось, что пришло сообщение от жены: «Надумаешь прийти сегодня домой – не удивляйся». Я с недоумением прочитал это загадочное сообщение еще раз, но так толком ничего и не понял. Бредит она, что ли? Вот и предчувствия меня не обманули. День начался. Начался так начался. То ли еще будет...

Стоя в душе, я, подставив затылок под крохотный водопад, рассматривал свои пожелтевшие резиновые тапки. В машине я постоянно вожу набор гостиничного ловеласа. Резиновые тапки входят в обязательный комплект. И вот я подумал: «Отчего желтеют резиновые тапки?» Вспомнилась мне

желтая пятка, которой стучал ее собственник у Ильфа и Петрова. Подумалось про ржавеющие по осени листья. Попытался связать воедино желтую пятку, ржавые листья и жизненный опыт. Получилось: «Чем желтее становятся твои резиновые тапки, тем ты становишься старше. И уже не за горами то время, когда пятки твои пожелтеют и ты превратишься в желчного джентльмена, стучащего своими желтыми пятками по каким-нибудь поверхностям, вовсе для этого не предназначенным. И тогда настанет осень твоей жизни, которую обязательно сменит зима, которая успокоит тебя навсегда, и тапки тебе уже никогда не понадобятся. Боже мой, какое отвратительное следствие!» С негодованием я выбросил свои пожелтевшие тапки в пластмассовое ведро и решил сегодня же купить себе новые. Ах, если бы так легко все решалось в жизни. Поменять тапки – это словно поменять кожу. Но мы не змеи. И все, что мы носим с собой, остается с нами до тех пор, покуда не наступит зима.

Маша спала крепко или делала вид, что спала крепко, и я решил не будить ее. Я скатал все свои вещи в большой ком и, держа его перед собой на вытянутых руках, вынес одежду, мелкие гаджеты, портфель и пахнущие влажной дубленой кожей и парфюмом «Шанель» ботинки в коридор, осторожно прикрыл дверь, проворно оделся, застегнулся, зашнуровался. Пусть рубашка будет мятой, но ботинки должны быть начищены и надушены, так как их приходится иногда снимать, как предпоследнюю, перед трусами идущую, часть

туалета, раздеваясь перед женщиной во время дневного свидания. Мечтая о чашке кофе и свежей выпечке на заправке «ВР», я запустил двигатель и на малых оборотах выплыл за пределы отеля. Хорошо, что я не стал будить Машу. Утренние ароматы человеческого тела не лучшие союзники в любви. Утро не для таких, как мы с ней. Мы пили друг из друга жизнь под покровом темноты, мы были словно вампиры, а под утро разлетелись, зная, что снова встретимся, когда лунный свет позовет нас за собой.

Помня о предчувствиях (а как же иначе?), я вел машину с очень средней скоростью. «Infinity» имеет ураганные возможности, это чрезвычайно скоростной предмет, который, дайте ему волю и крылья, с радостью превратился бы в самолет. Эта машина была предметом моей неизменной гордости. Я гордился ею так, как только и можно гордиться материальным предметом, владение которым отделяет тебя от владельцев других, менее престижных и менее дорогих автомобилей. Это был внедорожник, похожий на изящного, красивого бегемота. Сотни лошадиных сил, роскошный салон, мягкий ход... И невероятно удобный задний диван, где так чудесно проходили свидания с девушками, которым нравилось сочетание меня с этим автомобилем, а если быть точнее, то этого автомобиля со мной. «Раз у чувака такая тачка, то он заслуживает внимания», – думали девушки и отдавались автомобилю и мне, мне и автомобилю. Мой «Infinity» знал, что такое химчистка и не раз подвергался тщательной

уборке, что случалось всякий раз после очередного свидания с девушкой на заднем сиденье. Это была та плата, которую автомобиль платил за возможность на время превратиться в дом любви, и, похоже, ему это нравилось. Я любил его. Я педантично заставлял его проходить все необходимые процедуры, все эти плановые ТО, покупку каких-то особых шин и тому подобное. Я всегда верил всем этим «приемщикам» из автосервиса, рекомендовавшим заменить то одно, то другое, и не скупился, и за ценою не стоял. В последний раз мне было заявлено о необходимости замены тормозных дисков, и я раскошелился на две тысячи долларов, уплатив за четыре диска фирмы «Brembo». После замены я не ощутил особенной разницы в поведении машины, но не обратил на это никакого внимания. «Infinity» и прежде прекрасно тормозил. «Значит, все так и должно быть», – подумал я и тут же забыл об этом. Я не знал тогда, что пройдет всего две недели и проблема замены тормозных дисков станет моей Большой Проблемой. Эти мерзавцы из автосервиса увидели, что я простак, который ни черта не смыслит ни в «Brembo», ни вообще хоть в чем-то, что касается автомобильных агрегатов. Доверчивый простак. Такому можно «впарить» все, что угодно, все равно он ничего не поймет. Они действительно установили мне диски «Brembo», но не новые. Точнее сказать – совсем неновые. А прежнему владельцу, своему другу-приятелю, они поставили новые диски, за которые я уплатил по полной. Думаете, я вру? Тогда вы наивные люди. На

автосервисах такое происходит сплошь и рядом. Вот и меня кинули. И хорошо, если бы просто на стоимость этих чертовых дисков. Увы, все вышло совсем иначе...

Я ехал в правом ряду пустого Новорижского шоссе, скорость была около сотни. Размышляя о сообщении жены, я незаметно для себя вплотную приблизился к старой «Тойоте» и включил левый поворотник, собираясь обогнать ее. Однако водитель этой «Тойоты» был рожден русским, любящим быструю езду. Он упрямо вдавил педаль в пол, ускорился сразу километров до ста пятидесяти, и я увидел, как вдруг «Тойота» стала превращаться в точку на горизонте. Вот тут бы мне плюнуть, но куда там. Вместо того чтобы продолжать плестись себе потихоньку в правом ряду, я презрительно цыкнул зубом и нажал на педаль газа. «Infinity» ожил, ему по нраву было такое прищпоривание. Он рванул как бешеный! Сердце мое обливалось адреналином, когда я нагнал старушку «Тойоту», ослепил врага ксеноном и резко вильнул, перестраиваясь в левый ряд для обгона. Водитель «Тойоты», увидев, что я ему «моргаю», решил: «Этот мудака требует, чтобы я освободил правый ряд. Вот мудака! Да ну его, с такими мудаками, как этот, лучше не связываться!» и... «Тойота» также резко перестроилась влево! Я со всей силы ударил обеими ногами по широкой педали тормоза! То, что произошло через мгновение, было поистине ужасным: старый тормозной диск правого колеса не выдержал перегрева и... лопнул! Колесо тут же заклинило. На скорости двести километ-

ров машину развернуло на сто восемьдесят градусов и выбросило на широкую, поросшую травой разделительную полосу, где «Infinity» стало крутить, словно пушинку в потоке воздуха. Автомобиль закувыркался, его протащило по кривой траектории метров двести и ударило о ограждение встречной полосы. Металлические столбики ограждения ломались, словно спички, широкая металлическая лента гнулась так, словно это был не металл, а мятная пластинка «Wrigley», а я визжал от ужаса, и, кажется, единственным членораздельным словом, которое различалось в этом паническом визге, было слово «Мама». Пишу его с большой буквы еще и потому, что оно помогло мне выжить. Ограждение не пустило скомканный «Infinity» на встречную полосу, под колеса какого-нибудь двадцатитонного самосвала, груженного песком. «Мама» – это последняя молитва всех, попавших в отчаянное, предсмертное положение. Если перед самым своим концом вы вспомните о своей матери и позовете ее вот так же, искренне, то вся ее любовь обязательно придет вам на помощь и спасет вас. После бесчисленных кувырканий изувеченная до неузнаваемости машина встала на колеса. Она не подвела: не загорелась и не взорвалась. Монотонно подвывая, я вылез через проем, в котором совсем еще недавно находилось лобовое стекло. Не удержавшись на искореженном капоте, я упал на землю, только что взрыхленную плугом за сто тысяч долларов. Жив. Спасибо, мама.

16 июня,

9 часов 03 минуты

Приехали менты. Довольно быстро. Сразу стали напирать, мол «превышение скорости» и так далее. Особенно усердствовал один из них: конопатый, моложе меня, но уже налитый белесым нездоровым жиром. Я некоторое время думал, что за прозвище ему больше подходит: Геринг или Колобок, но остановился все-таки на Колобке. Настоящий Колобочище, только не тот наивный и безмозглый, который от бабушки с бабушкой дернул на улицу и там был до смерти замучен пороками, а такой вот Колобок, выживший после улицы. Улица его воспитала, а потом он поступил на работу в ГАИ, научился сечь фишку, брать бабло, рубить капусту, прессовать лоха, драть три шкуры и орудовать волшебной полосатой палочкой.

– Сколько у тебя скорость-то была? Двести? Вон ты сколько протащило! Заграждение поломал, создал аварийную ситуацию, такую тачку угробил! – с сердцем, словно это была его тачка, выговорил, наконец, Колобок.

– Это моя тачка... Была, – помедлив, пробормотал я. – Я не знаю, что случилось. Я стал тормозить, и меня развернуло, подняло в воздух. Как вертолет, понимаешь? На вертолете летать доводилось?

– На освидетельствование пойдешь, – не унимался хамоватый Колобок, – небось, коньячок всю ночь посасывал? Наркотики употребляем? Кокаинчик нюхаем?

– По себе судишь, брат? – равнодушно спросил я, и он сразу взбесился, стал совсем уже в открытую хамить, назвал меня... Как же он меня назвал? Не хочу повторять, это очень неприличное слово.

– Миха, – позвал Колобка его приятель, который исследовал оставшийся от «Infinity» металлолом. – Да брось ты его. Ты лучше иди сюда.

– А что там? – нехотя отозвался Колобок. – Что там такое?

– У него, похоже, диск лопнул. Сам посмотри. Разорвало прямо!

– «Лопнул», «разорвало», – ворчливо повторил Колобок, склонившись над колесом. Внимательно посмотрел и даже присвистнул. – Да чего же тут удивительного! Диск-то совсем изношенный. Ты смотри-ка! Тут износа миллиметра три-четыре, а можно полтора от силы. Чего ж ты так машину-то запустил? – уже вполне по-человечески, с сочувствием обратился он ко мне.

– Не может быть, – мотнул головой я. – Я совсем недавно новые тормоза, ну в смысле диски эти самые поставил. Кучу денег отвалил. Не могло там быть такого износа.

– Наивняк ты, – хохотнул напарник Колобка. – Иди сам посмотри, раз на слово не веришь. Говорят тебе, что старье у тебя на машине стоит. На них тысяч пятьдесят отъездили, и притом хорошо так отъездили, с ветерком. Ну ничего, страховая все возместит. Мы напишем, что ты не виноват. Ты только это... Ты нам спасибо не забудь сказать. Все-таки

машина-то не две копейки стоит. У тебя в какой страховой машина застрахована?

– В «Сносно», кажется, – рассеянно ответил я, – у меня в бумажнике их визитная карточка, я должен позвонить.

– Конечно, звони. Эвакуатор пусть пришлют и аварийного комиссара. Что ты раньше-то не позвонил?

– Растерялся.

– Понятно. Пойдем к нашей машине, и давай документы свои, начнем оформлять...

Колобок взял мои права, поглядел в них, неопределенно хмыкнул, потом посмотрел на меня, затем еще раз поглядел на пластиковую карточку водительского удостоверения:

– Виктор Картье. Картье? Это фамилия твоя?

– Нравится?

– Да-а, – протянул он. – Ну и дела. А нет у тебя никого из знакомых с фамилией, ну скажем, Фаберже?

– Есть, – соврал я. – Все большие ювелиры знакомы между собой. У нас что-то вроде секты.

– Охренеть. – Колобок сдвинул фуражку на самое темя и потер лоб форменным рукавом.

– По поводу? – не понял я.

– Я имею в виду, кого только не встретишь на дороге. Я разных людей видел. – Он принялся загибать пальцы: – Михаила Круга-певца покойного, Кобзона Иосифа Давыдыча, этого, как его, артиста-то... Во! Маковецкого! Да много всяких... Но вот настоящего ювелира Картье – это, конечно,

впервые. Слушай, для тебя, наверное, эта машина все равно, что для меня окурок? Так же по фигу, да? Я в том смысле, что ты себе каждый день по такой же новой покупать можешь. Картье... Это ж какие деньжищи-то! Золото-брильянты! Эхх...

– Да ладно, никакой я не ювелир, – честно признался я, – однофамилец просто. Так что извини, но для твоей коллекции знаменитостей не гожусь.

– Жаль, – с сердцем ответил гаишник. – А я уж думал у тебя карточку со скидкой попросить. У жены скоро день рождения, хочу ей часики презентовать какие-нибудь прикольные.

– Прикольные? – удивился я. – Прикольные часики от «Cartier»? Да они же стоят кучу денег!

– А ты не переживай, – огрызнулся гаишник, – деньги у тех, кто работает, а я работаю – к твоему сведению. Ты мои деньги не считай. Договорились?

– Ладно, – мирно сказал я, желая поскорей «замять для ясности». – Мне нужно в страховую позвонить.

В страховой трубку, казалось, сняли еще до того, как у них зазвонил телефон. «Молодцы какие, – подумал я. – Оперативно работают».

– «Сносно», добрый день. Чем могу помочь? – приятный девичий голос. Ну, слава богу, сейчас весь этот кошмар закончится. Как все-таки хорошо, что придумали страховку «КАСКО»! Как хорошо, что в страховых компаниях рабо-

тают такие вот милые, отзывчивые девушки. Ты звонишь с места аварии, ты волнуешься, ты готов рвать на себе волосы от отчаяния, тебе жаль погибшего автомобиля, и вот ты слышишь ее, страховую принцессу. Она сидит в своем воздушном замке, в руках у нее легкий волшебный жезл, увенчанный серебристой звездой, и мановением этого жезла она творит чудо, она делает так, что тебе становится спокойно на душе и ты понимаешь, что ничего серьезного не произошло. Что уже очень скоро приедет аварийный комиссар. Что тебя доставят куда тебе надо и не возьмут за это денег. А труп твоего автомобиля куда-то далеко утащит гробовщик-эвакуатор, и ты будешь навсегда избавлен от грустного зрелища разбитой вдребезги колесницы. Нет, прекрасно, что есть такие вот милые страховые принцессы...

– Виктор Иванович Картье? – переспросила принцесса, оторвав меня от размышлений.

– Да-да! – радостно подтвердил я. – Он самый!

– Хм-м, – совсем не по-принцесочьи произнесла она, и это ее «хм-м» мне совсем не понравилось.

– Что-то не так? – с немного наигранной озабоченностью спросил я, еще не чувствуя, впрочем, серьезного подвоха.

– Видите ли, господин Картье, срок вашей страховки истек сегодня, 16 июня, в 00 часов 01 минуту, – быстро проговорила принцесса, превращаясь в жабу.

Скажете, так не бывает? Еще как бывает. Все привыкли, что сказочная принцесса появляется в образе жабы и затем

с ней происходят различные трансформации, превращая лягушачьи лапки в стройные ножки, а глаза навывкате в карие очи, и полумесяцем изгибается бровь. А здесь не сказка. Здесь вся правда жизни, как она есть. И правда эта такая, что никто, никакая жаба, никакая принцесса не выплатят мне страховую стоимость моей машины. А это значит, что я попал. Попал невероятно, попал на такое бабло, что осознание этого, вливаясь по капле в кровь, мутило меня похлеще любой гребаной синтетики (а меня всегда мутит от синтетики).

– Подождите-ка... – сразу тяжело задышав, выдавил я. – То есть как «истек срок»? Как такое может быть? У меня страховка VIP. Почему же никто меня не предупредил?!

– Мне очень жаль, – ответила принцесса. – По всей видимости, вам не смогли дозвониться. Обычно всем клиентам мы звоним заранее и предупреждаем, что полис заканчивается.

– Девушка, все мои телефоны работают постоянно, также работает электронная почта, скайп, аська! Я не в состоянии запомнить, когда именно у меня заканчивается страховка, я занятой человек! – Перейдя на крик, я начал оживленно жестикулировать. Меня словно ломало изнутри, и движения тела выглядели нелепыми и спорадическими.

– Мне очень жаль, – повторила она. – Но уж что есть, то есть. Я вас по-человечески очень хорошо понимаю, но ничем не могу вам помочь. Если вы вновь станете страховать

машину в «Сносно», то можете рассчитывать на привилегии для постоянного клиента.

– Для того чтобы страховать машину, ее вначале нужно купить, – буркнул я и вдруг, уразумев, наконец, что это конец и я только что потерял автомобиль ценой в сто тысяч баксов, что никакой аварийный комиссар никуда меня не доставит, а меня только что вежливо «послали», я взбесился. И уже готов был наговорить этой... из «Сносно» скабрзных гадостей. Но сдержался и не наговорил. Просто сбросил звонок, вот и все.

– Ну чего? Страховая пришлет эвакуатор? – с плохо скрываемой насмешкой спросил Колобок (он все слышал и все понял).

– Хренатор она пришлет, – процедил я сквозь зубы.

– Слушай-ка, – оживился Колобок, – тогда давай я своему тестю позвоню. Он как раз на эвакуаторе колымит. Мужик нормальный, много с тебя не возьмет.

– Конечно. Чего ж ему много брать, раз у него зять в ГАИ? Ты ж его заказами-то всегда обеспечишь?

– Ну да, – ответил Колобок и оскалился в улыбке. – Семейный подряд. Нормально!

Я махнул рукой:

– Звони скорей. А то мне еще в Москву добраться на чем-то нужно, придется попутку ловить.

Колобок оскалился еще шире:

– Да ты не заморачивайся особенно. Я брательнику позво-

ню, он в тачке тут работает в местной. Довезет с ветерком.
– Предприимчивый ты какой! – подковырнул я его.
– Нормально, – беззаботно повторил Колобок и стал звонить тестю и брательнику.

16 июня,

полдень / flashback

В офис я добрался к полудню... Понимаю, что звучит это банально и во всех банальных историях банальные герои банально добираются куда-либо именно к полудню, а в полночь банально бьют часы и еще случается множество всякой банальной всячины. Но я, лично я, совсем не против полудня и полночи. К чему избегать того, что существует вне зависимости от тебя. Да что вообще от тебя зависит? Что зависит от каждого из нас в отдельности? Также не стоит избегать банальностей, так как из них состоит сама жизнь по большей части.

Стеклянные двери тихо разошлись, пропуская меня; я оказался в вестибюле нашего бизнес-центра, прежде бывшего зданием завода «Красный пролетарий». Новое время: пролетарием быть непрестижно, и теперь вместо пролетариев офисный планктон. «Пролетарии всех стран, объединяйтесь?» Какая несусветная глупость, какой неправдоподобный, заранее невыполнимый призыв! Пролетарии имели обыкновение объединяться максимум «на троих»: откуда-то из моего детства растет воспоминание о карикатуре из жур-

нала «Крокодил». На ней нарисована бутылка водки с тремя горлышками, на этикетке надпись «На троих. Особая». Пролетарии в этом отношении были куда как дружней пришедшего им на смену офисного планктона. В стае офисной мелкоты каждый сам по себе, а планктоном нас делает наша удивительная схожесть друг с другом. В офисном служаке нет индивидуальности. Мелкие клерки поголовно носят дешевые бренды вроде «Tissot» и «Zara», если говорить о часах и тряпках. Чуть поднялся, глянь, он уже имеет на запястье «Longine», а костюмчик у него от «Pal Zileri» и куплен в магазине распродаж под Миланом. Что до меня, то я сверяю время по «Breguet» и достаю носовой платок из пиджака «Zegna». Это значит, что я топ-менеджер.

Моя контора – это медиахолдинг, состоящий из телеканала, двух газет, нескольких интернет-сайтов разной направленности: мода, новости, бизнес. Я отвечаю за всю, проходящую через структуры холдинга рекламу. У меня прекрасная работа, не самая плохая зарплата, вокруг меня постоянно вращается множество известных людей (вернее, это я вращаюсь вокруг них) и красивых женщин, некоторые из которых были, есть или будут моими скоропостижными любовницами. В этом мире предпочитают быстрый и ни к чему не обязывающий секс. Почему бы не заняться этим, раз это приносит удовольствие? Человек сейчас ставит собственное удовольствие в качестве высшего приоритета, и все мы стремимся лишь к одному – получить удовольствие, насладиться-

ся, чего бы это ни стоило, и страшно переживаем, когда нам не хватает денег, чтобы насладиться именно так, как мы о том мечтаем.

Я давно уже не живу на одну зарплату. Тот образ жизни, который я веду, является весьма затратным. К тому же я создал семью с женщиной, которая любит жить на широкую ногу, а с рождением дочери мои затраты возросли настолько, что зарплата не покрывала их и на треть.

Мою жену зовут... Хотя «зовут» – это неправильно. Вообще неправильно, что я принялся за этот рассказ в настоящем времени. Все это «было», а значит, верно будет сказать «звали». Итак, жену мою звали Ларисой. Мы познакомились с ней в автосервисе. И у нее и у меня были тогда «Ниссаны»: у меня «Primerа», у нее букашечная «Micra». При автосервисе действовало кафе. Я взял свою чашку, сел на диванчик, обтянутый коричневым дерматином, уставился в телевизор. Передо мной стоял журнальный столик, на столике лежали журналы «Hello», «Cosmopolitan», «GQ» и «7 дней», содержание которых было мне настолько хорошо знакомо, что я даже не стал утруждать себя пролистыванием. Недалеко от меня сидела приятная девушка офисно-ухоженного вида и листала «Esquire». Помню, я тогда удивился тому, что она выбрала именно этот журнал, так как в нем порой попадались довольно заумные статьи, что не вполне, на мой взгляд, подходило для глянца. Я решил, что девушка как минимум не пустышка, раз читает «Esquire». Пульт от телевизора ле-

жал там же, на столике, и я потянулся за ним, снедаемый желанием переключить какой-то восхитительно-тупой сериал про милиционеров и отыскать программу новостей или в крайнем случае MTV или Discovery.

– Зачем вы переключили? – услышал я ее недовольный голос. – Я смотрела этот канал.

Я сделал вид, что удивился:

– Вот как? Но я предполагал, что вы читаете этот умный журнал и не обращаете внимания на то, что происходит по сторонам.

– Умный? Журнал? Этот? Вы шутите? Что тут может быть умного? Знаете, если бы глянцевики печатали хоть что-то умное, то их просто некому было бы читать.

Я был заинтригован, она явно шла на контакт, она сказала слишком много для простого ответа. Так мы и познакомились.

Лариса работала референтом у одного большого босса из «Wrigley». Мы варились в одной с нею кастрюле, имели общих знакомых, наши деловые орбиты пролегли неподалеку друг от друга. Она происходила из приличной питерской семьи: не сливки интеллигенции, но просто порядочные, крепкие в своих убеждениях люди. Она не любила Москву и постоянно сравнивала ее с Питером, утверждая, что здесь, в Москве «все не так». Спрашивать у нее, зачем же тогда она переехала из Питера сюда, я не стал, так как давно привык к легкой ксенофобии как со стороны питерцев по отношению

к москвичам, так и наоборот. Сам-то я никогда не был настроен по отношению к питерцам враждебно, но и Москву я никогда особенно не любил, потому что всегда стараюсь быть в тренде, а нынче, среди коренных москвичей, принято показательно не любить Москву, поругивать ее и тому подобное.

Лариса жаждала вить гнезда. Ее страстной мечтой была большая квартира в хорошем районе, большой дом по престижному направлению, большой автомобиль повышенной проходимости и большой счет в банке. На мой вопрос, а зачем все это, она сделала огромные глаза, хмыкнула и совершенно серьезно ответила:

– У всех же так.

У кого это «у всех»? Хотя, разумеется, она была права и нацелена на то же, на что был нацелен я. Однако жизненный комфорт был нужен мне прежде всего для внутреннего ощущения свободы. Я думал: «Квартира, дом, счет. Один раз купил, построил, открыл, и все, эта страница жизни перевернута, можно идти дальше и утопить свою жизнь в омуте радости: тусоваться с разными клевыми людьми, путешествовать... Да мало ли?» И вот я начал соображать, как бы мне все это повернуть по-быстрому. Меня крайне напрягла перспектива растянуть обретение всех вышеперечисленных активов на долгие годы. Хотелось всего и сразу. Только так. На своем месте я получал пять тысяч долларов в месяц. Кому-то подобная зарплата покажется шпилем замка

желаний, я же считал, что мне колоссально недоплачивают, и на этом убеждении довольно быстро построил систему защиты от собственной совести. Совесть бубнила: «Не воруй, не бери взяток, живи честно», но все это ее надсадное нытье расшибалось о бастионы моего цинизма и алчности. Рекламщики в большинстве своем – это довольно грубые, развязные, вспыльчивые и агрессивные люди, одержимые погоней за быстрой прибылью. Да простят меня коллеги по цеху, вернее, забегаая вперед, скажу: «бывшие коллеги по цеху», но портрет типичного топ-рекламщика выглядит, по моему мнению, именно так. Ведь я частенько гляжусь в зеркало и вижу там именно такого вот прожженного циника, которому глубоко наплевать на все, кроме Лавандоса. Лавандос, кстати, в пантеоне богов рекламщика, да и всякого топ-менеджера – это бог денег, и имя его пишется, конечно, только с большой буквы.

Мой шеф, Максим Кирсанов, один из держателей пусть крошечного, но тем не менее все же пакета акций холдинга, был избран на свою должность тайным голосованием, проходившим в штаб-квартире головной организации, что в славном городе Нью-Йорке. Нью-Йорк... Я произношу это название, и по спине моей бегают мурашки, сладко жая, впрыскивая под кожу яд вожделения. Я люблю этот город. Я люблю его больше всех других городов на свете. Но хорошо жить там, где нас нет, поэтому я живу в Москве и, как я уже и говорил, сильно ее не жалею. Что же до моего шефа, то этот па-

рень прочно держал бога за бороду, ездил в «Роллс-Ройсе», был нереально крут и со мной держался запросто. Частенько мы выпивали прямо у него в кабинете. У Макса (так он требовал называть себя) всегда имелся чудный коньяк «Nine», мой любимый, невероятно стильный и вкусный дубовый аквавит, который я ставлю на голову выше всех прочих коньяков, сколько их есть на белом свете.

За коньяком мы решали рабочие вопросы, но Макс никогда не давал себе поблажек в виде душевного сближения с подчиненными и партнерами по бизнесу. Он уважал лишь тех, кто стоит выше него, тех, у кого больше акций, – своих американских боссов. Он прошел тщательный отбор и был утвержден всеобщим голосованием совета директоров: 34 – при одном воздержавшемся. А совет состоял сплошь из американских акул медиабизнеса, причем многие из них имели немножечко, такибожежмой, одесские корни.

Во всем, что касалось бизнеса, это был человек-танк, который невозможно было подбить. Он пер напролом, сквозь любую словесную пургу, которой его пытались закидать бесплодно, не знающие еще, с кем они имеют дело. Он никому не позволял надрать себе задницу. И я всегда знал, что кроется за его кажущимся добрым отношением.

– Ты мне нужен, нужны твои мозги, поэтому ты можешь сидеть в моем кабинете, пить мой пятисотдолларовый коньяк и курить мои сигары «Cohiba», – сказал мне однажды Макс, выпустив изо рта красивое, правильной формы колеч-

ко дыма. – Я плачу тебе больше остальных потому, что ты жесткий переговорщик и действуешь в интересах фирмы. Ты вообще тот, кто мне нужен. Но! – Он поднял коньячный бокал на уровень глаз и плавно покачал его, любуясь длинными, стекающими по стенкам «ногами», что свидетельствовало о высоком качестве напитка. – Ты помнишь, что сказал колумбийский наркобарон Соса своему американскому партнеру Тони Монтана? «Не пытайся облагать меня», – вот что он сказал ему. Вот и ты... – Макс поставил бокал на стол и пристально посмотрел на меня, – ...не пытайся.

– Киллера пришлешь? – невольно вырвалось у меня.

– Хуже, – усмехнулся Макс. – К чертовой матери выкину тебя из медиабизнеса. Раз и навсегда. Станешь никем. Это будет пострашней киллерской пули, не так ли? Самое страшное забвение не то, что наступает после смерти, когда тебе уже все равно, а то, которое ты ощущаешь при жизни, сделавшись изгоем, отторгнутым системой, которая прежде была для тебя кормящей матерью.

Макс, сам того не желая, стал катализатором моей алчности. Я переступил порог, за которым кончается относительно честная жизнь и начинается жизнь коррумпированная, после того как он пригласил меня провести один из выходных дней в его загородном доме.

– Захвати с собой жену, – посоветовал Макс, – пусть они познакомятся: твоя жена и моя. Она любит, гм... женщин. Пока они будут трепаться о своем, мы с тобой сыграем в

гольф. Ты играешь в гольф?

– Пару раз пробовал, – честно признался я, – так что игрок из меня тот еще.

– Это ничего, – беззаботно махнул рукой Макс, – покажу тебе пару хороших ударов. В гольфе главное – крепкая рука и мозг, который ее контролирует. Ну и чуть-чуть техники...

И вот, в следующую субботу, мы с женой отправились в гости к Максиму в Горки-9.

Миновав два поста военизированной охраны и подъехав к его дому, мы были потрясены роскошью, о которой и не подозревали.

– Сколько же этот парень зарабатывает? – вырвалось у меня. – Мать его...

За изысканной кованой оградой начинался парадный двор, выложенный настоящей, баснословно дорогой брусчаткой. Везде господствовала строжайшая, выверенная симметрия. Во дворе были устроены два абсолютно одинаковых, роскошных фонтана. Каждый из них украшала группа из трех обнаженных бронзовых девушек. Высоко над головой они держали по большой раковине, из которых били вверх струи воды, поднимаясь на высоту нескольких метров и красиво рассыпаясь радужными брызгами на миллион сверкающих самоцветов. Фонтаны окутывала легкая водяная дымка. Далее высился массивный особняк в георгианском стиле, из красного кирпича, с медной кровлей, покрытой благородной патиной. Участок земли был огромным. Прежде этим

поместьем, занимавшим не менее полутора гектаров, владел бензиновый король по фамилии Шахматов. Но однажды он проиграл свою партию, получил фатальный шах, за которым должен был последовать неминуемый мат. Тогда, не дожидаясь худшего, король Шахматов бежал с континента на британский остров, а его многочисленная собственность была распродана через доверенных лиц.

За домом начинался английский парк с частыми скульптурами – копиями известных античных статуй. Живой изгородью парк был отделен от крупного спортивного комплекса. На одной его стороне был большой плавательный бассейн, на другой тренажерный зал, а в середине – теннисный корт, накрывавшийся на зиму надувным куполом. Макс находился в прекрасной физической форме и однажды, «на спор», прямо в офисе упал на пол и отжался 100 раз менее чем за полторы минуты.

У входа нас встретила Полина Кирсанова, привлекательная и разговорчивая брюнетка, сразу же приятно поразившая меня буквально исходящими от нее теплом и дружелюбием. Она представляла собой разительный контраст с моей супругой. Лариса была словно ошестинившаяся против всего мира кошка. Она только и шипела: «Посмотри, какой автомобиль у тех-то, какая у этих новая мебель. Ишь, какую шубу она себе позволяет, а сама-то страшна, словно атомная война». Лариса не любила людей, и я никогда не слышал, чтобы она сказала о ком-нибудь хоть что-то нейтральное, по-

этому я заранее предвкушал ее длительный, полный колкости и сарказма монолог после сегодняшнего приема.

Полина провела нас через комнаты, отделанные в традиционном классическом стиле, где стены были покрыты шелковыми английскими обоями с изысканным рисунком, потолки украшены изощренными лепными украшениями, на полах лежали редкие иранские ковры. Помещения, по которым она вела нас, были обставлены дорогой антикварной мебелью, привезенной Максом из Европы. Я украдкой бросил взгляд на Ларису. На нее было жалко смотреть: она кусала губы, и казалось, что вот-вот моя жена сядет прямо на ковер за тридцать тысяч евро и разревется. Висевшие на стенах картины показали мне, не искушенному в живописи, настоящими произведениями искусства. Как выяснилось, Полина была азартным коллекционером антиквариата и картин европейских и американских художников. Помимо всего прочего она получила прекрасное образование, окончила бизнес-школу в Гарварде и работала на высокой позиции в московском «Райффайзен-банке»... Я быстро подсчитал, что только для поддержания подобного образа жизни семейство Кирсановых должно тратить никак не менее миллиона рублей в месяц, и сердце мое нехорошо заныло от нахлынувшей зависти.

Тем временем мы продолжили путь через парк и спорт-комплекс. Я видел, что покрытие теннисного корта украшала крупная монограмма ПМК, буквы переплетались между

собой, их венчала корона, напоминая корону в эмблеме часов «Rolex». Почему-то, вспомнив о «Rolex» – пошлейшем бренде, который предпочитают всякие саудовские шейхи и прочие аль-файеды, мне захотелось рассмеяться во весь голос. Сейчас я понимаю, что это была просто истерика, вызванная всем этим невероятным чужим богатством.

Макса нигде не было видно. Оказалось, он ожидал нас у края поля для гольфа, сидя в роскошном плетеном кресле и попивая свежесжатый овощной сок из высокого тонкостенного стакана. Это был своего рода сюрприз: здесь, прямо на краю поля, под тентом, был накрыт отменный стол, и за столом этим сидел Макс-великолепный, Макс-супермен. Одет он был, как всегда, безупречно: небесно-голубой пуловер от «Burberry», белая рубашка, выгодно оттенявшая его круглогодичный загар, ботинки «Ессо» с подошвой, оснащенной специальными протекторами для ходьбы по безукоризненно подстриженной траве поля для гольфа. Отвечая однажды на вопрос, почему он постоянно носит белые рубашки, Макс сказал: «Мне в жизни и так слишком часто приходится принимать решения, так пусть хоть выбор рубашки не морочит мне голову, и вообще я считаю, что белая рубашка подходит ко всему». Его черные, словно у итальянца, волосы были изящно подстрижены и разделены аккуратным пробором. Макс поставил свой стакан, встал и, широко улыбаясь, плавно развел руки, словно обнимая всех нас. Пригласил за стол. Выглядел он слегка уставшим, но вскоре сицилийское вино

ударило мне в голову, и я перестал обращать внимание на такие тонкости. Обед был изысканным. Слуга в белых перчатках подал мне напечатанное на плотном картоне меню:

– Суп из спаржи или крем-суп из сельдерея и белых грибов? – спросил этот парень, и я, не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями, промычал в ответ что-то невнятное. В результате я вынужден был есть суп из спаржи, к которой всегда относился довольно равнодушно.

Захмелевшая Лариса всю болтала с хозяйкой дома. Мою жену несло: она строила воздушные замки неуклюжего вранья, рассказывая о нашей «огромной» квартире и планах будущего загородного дома. Вежливая Полина слушала, не перебивая, но со стороны я видел, как в глазах ее несколько раз появлялось и тут же исчезало снисхождение, так свойственное всем богатым людям, вынужденным выслушивать хвастовство нетрезвого плебса. Наконец Полина не выдержала и, всплеснув руками, воскликнула:

– Я уверена, что все у вас будет просто чудесно! У вас в доме должна быть просторная кухня. Пойдемте, я покажу вам свою.

Кухня в доме Кирсановых была больше, чем вся наша квартира. Богатство Макса и его жены произвело на меня неизгладимое впечатление. Перед началом визита я предполагал решить пару важных рабочих вопросов из числа тех, что нужно решать именно в неофициальной обстановке и под хмельком, но наш разговор с Максом не клеился. Нако-

нец, несколько часов, отведенных для визита, истекли. Мы болтали о том о сем, немного посплетничали про одного клиента (у парня была непростая и бурная личная жизнь, в которой он не делал различий среди пола своих партнеров). Женщины вот уже некоторое время не показывались. Вдруг я увидел, что в нашу сторону быстро идет, почти бежит, раскрасневшаяся Лариса.

– Нам пора, – решительно произнесла она. – Макс, огромное вам спасибо, все было очень вкусно.

– Да-да, всегда к вашим услугам, – рассеянно ответил он и кивнул мне: – Ждем в другой раз с ночевкой.

Это его «с ночевкой» вызвало у Ларисы нервную дрожь. Я никогда еще не видел ее такой. Причина же ее поведения выяснилась только в машине, где супруга устроила мне настоящую адскую пытку, которая продолжалась на протяжении всей дороги домой. Порой я даже думал, не врезаться ли мне в дерево той половиной машины, где сидела она и тем самым заткнуть фонтан ее грубого красноречия.

– Почему ты не предупредил меня, что эта чертова Полина лесбиянка! – вопила жена. – Она лапала меня, гладила по заднице, пыталась поцеловать!

– Дорогая, успокойся. У меня уже очень сильная эрекция от твоих слов, это мешает мне вести машину, и я к тому же не очень трезв.

– А все потому, что нормальные люди давно ездят с водителем! – еще больше завелась Лариса. – А ты только и мо-

жешь, что собственную жену подкладывать под лесбиянок!

– Откуда же я знал? – спокойно возразил я. Меня очень забавляла вся эта ситуация, и я был в миллиметре от приступа ломающего тело смеха.

– Хорошо. Ты не знал, – как будто успокоившись, выпалила Лариса. – Но ты видел, как они живут? Ты это видел? Сколько лет этому твоему Максусу? Да они же не старше нас с тобой, а уже слуга в перчатках...

– Ты наблюдательна, – быстро вставил я. – И у тебя превосходная память! Как это ты запомнила, что он был именно в перчатках?

– Толку-то? Ты мне зубы не заговаривай! Ты лучше ответь мне, когда у нас будет что-то подобное? Я не могу долго ждать!

– Почему?

– Я беременна. Ребенок должен иметь условия!

Наша дочь родилась спустя семь с половиной месяцев после того памятного визита к Кирсановым. К моменту ее появления на свет у нас появился очень даже сносный загородный дом со всеми удобствами, а над моей головой постепенно стали сгущаться тучи.

Дом обошелся в полтора миллиона долларов. Как я сделал эти деньги? Все настолько несложно, что описание никого сильно не утомит. Есть контент, который необходимо превратить в деньги, и в нашем холдинге такого контента немало. Прежде всего это телесериалы. Их необходимо сделать

рейтинговыми, вдолбив в головы тех, кто еще смотрит телевизор, что именно «Дочки», «Институт», «Кукины» – это то, без чего не в состоянии обойтись их душа и тело. Надо заставить пипл хавать. Как только сериал, что называется, «выстреливает» и занимает верхние строчки в сводных таблицах рейтингов, рекламодатели выстраиваются в очередь. Все они хотят купить рекламное время в рейтинговом сериале, понимая, что их рекламу увидит большое количество хавающего это говно пипла. В сериалах вроде «Дочек», которые смотрят детишки, начиная с детсадовского возраста, охотно покупают время производители вредной сладкой газировки, шоколадных батончиков и прочих детских радостей. Остальные компании-производители всего-чего-угодно, также не против «зарядить» детские мозги на будущее, сделав из детей потенциальных потребителей своего майонеза, автопокрышек и пылесосов. Все, о чем я рассказал в двух словах, ясно как божий день, но без этого небольшого вступления было бы невозможно перейти к сути моего преступного бизнеса. Именно я был тем человеком, который отвечал за рекламный бюджет того или иного контент-продукта. Постепенно я начал завышать сметные расходы, предварительно договорившись с собственниками рекламных поверхностей – агентствами, производящими и размещающими «наружку»: все эти билборды, постеры на остановках, афиши и так далее. За размещение заказа рекламные агентства откатывали мне по 20–25 процентов его стоимости, что выражалось

в кругленькой сумме наличных. По своей работе я часто посещал крупнейшие рекламные агентства Москвы и Питера и пакеты с деньгами получал прямо там, за закрытыми дверями. Как правило, это были доллары или евро, реже рубли. Если я получал взятку рублями, то немедленно конвертировал их в более надежную валюту, а деньги хранил в нескольких банковских ячейках. Был соблазн размещать деньги на срочных депозитах и начать играть на бирже, но я не доверял мифу о банковской тайне, а открывать вклад на имя Ларисы как-то не хотелось. Что касается биржи, то здесь я не готов был рисковать и предпочитал пусть и банковскую, но все-таки кубышку. Когда дело дошло до покупки дома, то мне все же пришлось оформить его покупку на жену. И здесь меня даже не пугал тот скандал, который она готовилась устроить мне, оформи я дом на себя. Нынешняя доступность любых сведений о собственности кому угодно, в том числе службе безопасности холдинга, делала внезапное появление у меня загородного особняка такой откровенной подставой, после которой угроза Макса выбросить меня из бизнеса выглядела более чем реалистично. А так всегда можно было объяснить, что это «наследство» супруги, дар ее родителей, что угодно. Я даже хотел нанести «упреждающий удар»: сообщить Максиму о том, что мы, наконец, тоже обзавелись домом, и пригласить его в гости, но в последний момент я передумал. Никогда не стоит показывать своему работодателю, на что ты тратишь денежки, которые он тебе платит. Это, как прави-

ло, сильно его травмирует. У него возникают небеспопеченные подозрения. Обязательным номером программы является попадание «под колпак» к СБ. Коллеги начинают коситься и перешептываться за спиной. Поразмыслив обо всем как следует, я решил просто молчать.

Шло время, я познал всю прелесть легких денег, и вот что я понял: эгоизм, который живет в каждом из нас, с невероятной силой активизируется именно тогда, когда ты начинаешь с легкостью удовлетворять те свои желания, которые раньше казались тебе малоосуществимыми. Хотел каждый день обедать в ресторанах, получил такую возможность и тут же ощутил внутри себя нехорошее чувство пустоты. Раньше желание наполняло тебя, а теперь его нет, оно исчезло! Но внутри не может быть вакуума, и тут же на место прежнего желания приходит другое. И его ты можешь удовлетворить уже за бóльшие деньги. Эгоизм – это персональный наркотик, который живет в каждом человеке. Дай ему проснуться, и он может выйти из-под контроля и погубить тебя. Тот, кто смог обуздать свой эгоизм, накинуть на него аркан, стреножить, тот и есть по-настоящему счастливый человек. Заставить эгоизм утихнуть в восточных религиях называется «достичь совершенства». Да, я воплотил в жизнь мечту: купил дом, но счастливей от этого не стал. Мой эгоизм гнал меня вперед, нещадно стегая, точно ездовую лайку. Мир вокруг меня изменился, и я изменился вместе с ним.

Макс чувствовал, что со мной что-то не в порядке. Одна-

жды он задал мне прямой вопрос:

– Старик, что с тобой происходит?

– А... что? – рассеянно переспросил я, старательно отводя взгляд.

– У тебя, спрашиваю, все в порядке? Ты плохо выглядишь. Может, ты заболел? Устал? Тебе нужен отпуск?

Тогда получилось как-то отшутиться, но с тех пор я частенько ловил на себе пристальный задумчивый взгляд Макса из серии не предвещавших ничего хорошего. Но шло время, ничего особенного не происходило, и так было до того самого дня, когда я подъехал к офису на «Infinity». Я вполне мог себе позволить такую машину и без всякого «левого» приработка, во всяком случае, мне так казалось (с денежным приливом мировоззрение меняется). Однако я сильно ошибался. Коллеги через одного перестали со мной здороваться: завидев меня, многие отворачивались, и я про себя называл их «завистливыми тварями». У меня появилась постоянная любовница Маша, помимо нее я встречался еще с несколькими разными женщинами, среди которых была совсем молоденькая стриптизерша из «Распутина». Первый раз она досталась мне в качестве представительского подарка одного из собственников крупного агентства наружной рекламы. Ей было от силы лет девятнадцать, и я никогда еще не держал в руках столь совершенного тела. Все случилось в самых больших апартаментах «Распутина», тех самых, с большой гостиной, где стоит тяжелый стол, окруженный стульями с

готическими спинками, а справа, под огромным балдахинном большая круглая софа с множеством подушек. За круглой софой проход в будуар с джакузи и широченной королевской кроватью, упругой, словно спортивный снаряд для прыжков. Есть в этих апартаментах сауна, душевые и еще какие-то помещения непонятного предназначения. Стены украшены фотографиями «распутных» девушек. Стриптизерша была настолько превосходно сложена, что казалась ненастоящей. Она дала мне свой телефон, мы иногда встречались, и я каждый раз платил ей за секс, дурачась и представляя себе, что я пузатый «папик» – мужик на шестом десятке, которому женщины дают только за большие деньги. Я даже обещал устроить ей кастинг в агентстве «BBDO», но потом мне надоело быть спонсором какой-то профурсетки, и я прекратил встречаться с ней.

16 июня,

12 часов 06 минут

История, которую я хочу рассказать, началась тогда, когда после дорожного несчастья и потери автомобиля ценой в 100 000 долларов я в конце концов добрался до офиса. Дурные утренние предчувствия начали сбываться, и лишь за порогом офиса я перевел дух, посмотрел по сторонам, убедился, что все здесь по-прежнему, обстановка привычна, люди те же. Вот и секретарь Макса – женщина сорока пяти лет из серии «усохшая блондинка» – была все той же усохшей блон-

динкой. Грустный возраст: женская осень. Еще хочется, еще может, но поезд жизни уже прибывает на станцию «Старость», и очень мало шансов на то, что он проскочит ее без остановки.

– Он просил тебя зайти, – не поднимая головы, так, словно у нее на темени были глаза, с прокуренной хрипотцой сказала усохшая блондинка. – Прямо так и сказал: «Как появится Картье, пускай сразу же зайдет ко мне».

– О'кей, Сима (так ее и звали). Сейчас выпью кофе, проверю почту и зайду.

– Нет, Виктор, он действительно настаивал, чтобы ты зашел к нему сразу же, как только появишься. – Она подняла голову, и я убедился, что глаза у нее на месте, там, где им и положено быть, и в глазах этих прячется какая-то нехорошая лукавинка. Она явно о чем-то знает, но молчит и наслаждается своим владением тайной. Отношения с усохшей блондинкой у меня были немного натянутыми, поэтому нечего было и думать, чтобы по-свойски ей подмигнуть и полупшепотом спросить:

– А к чему такая срочность? Что случилось?

Нет, нет. Как-то раз, на новогоднем корпоративе, между мной и ею случился какой-то неприятный, полупьяный разговор, и, кажется, я что-то такое сказал ей, что-то насчет того, как старательно она пытается закадрить молоденького совсем айтишника и поехать с ним после корпоратива в номера. Да, кажется, именно так я и пошутил с ней тогда и на-

жил себе врага. Сам виноват. Никогда не стоит высмеивать чужие чувства, сколь бы ничтожными они ни выглядели со стороны.

– Хорошо, я найду прямо сейчас, – сказал я так, словно делал ей легкое одолжение.

– Подожди минутку, у него там Бирюков в кабинете, я спрошу...

Бирюков – начальник нашей службы безопасности. По моему мнению, просто тупой кретин. Строит из себя секретного агента на пенсии: носит пиджак в муцацкую елочку, а на лацкане пиджака у него значок: щит и меч – символ Лубянского братства, которое в богемных кругах принято именовать не иначе, как «кровавая гэбня». Я никогда не сталкивался с ним. С такими, как этот супермен, у меня никогда не было ничего общего. Моя фамилия Картье, видите ли. Никакого отношения к ювелирному дому, просто однофамильцы. При царском режиме мои предки были инженерами и преподавали в гимназиях. Но доказать это чекистам, которые с 1937-го по 1945-й держали в холодных сибирских пределах мою бабулю, встретившую там моего деда – русского физика Льва Неменова и зачавшую в заключении мою маму, было невозможно. Они посадили ее из-за фамилии. Ведь не такая, как у всех. Выделяется. Отдает аристократическим, контрреволюционным сионизмом. Впрочем, мотив у них все же был: отец моей бабушки, мой прадедушка, был мобилизован в 1915-м в чине полковника инженерных войск царской ар-

мии.

Контрреволюционная фамилия моей родни приносила беды вплоть до 1945-го, а потом моего деда вызволил из концлагеря сам Курчатов. Он сказал, что не представляет себе, как будет работать над бомбой без моего деда, которому на тот момент исполнилось уже пятьдесят два года. Бабуля была дедушкиной последней страстью, и он, выпятив вперед бородку клинышком, заявил, что без своей Ирочки (так звали мою бабушку) выходить из лагеря не собирается. Их освободили. Я помню, как бабушка любила рассказывать о своем последнем дне в лагере. Как вызвал ее начальник лагеря, вот такой же «Бирюков». Как заставил стоять перед ним, уже беременную, на седьмом месяце. Как долго и тяжело молчал, нагоняя ужас, лениво листал бабушкино «дело», курил папиросы «Казбек», многозначительно покашливая. И вдруг так неожиданно, резко, прямо в лицо:

– Что, сука, подстелилась? Как это у вас баб все так ловко получается, особенно на раздельном режиме? Это еще расследовать надо, налицо преступный сговор. Знала, что ли, под кого подстелиться-то?

– Вам не понять, товарищ чекист, – храбро ответила бабушка.

– Это почему же? – нахмурился майор – начальник лагеря. – Почему же это я, офицер НКВД, не смогу понять, как такая троцкистская сволочь провела товарища Неменова? Я-то как раз все очень хорошо понимаю. По ошибке ты выхо-

дишь, Картье, по чьей-то большой ошибке...

– А вы, товарищ начальник, изложите свои соображения письменно и пошлите лично товарищу Сталину. Это по его приказу нас с мужем досрочно освобождают из вверенного вам учреждения. Вот вы ему и напишите, что он, дескать, ошибся. Знаете, мне кажется, ему бы это не понравилось. Товарищ Сталин ошибаться не может.

Далее бабушка изображала рожу этого майора, которая сначала стала цвета свеклы, а потом побелела, словно бумага. От него запахло чем-то очень неприятным, словно майор наложил в штаны. И... бабушку выпустили.

И вот подобные рассказы я слушал и впитывал в очень молодом возрасте. И я, так сказать, с младых ногтей усвоил следующее правило: «Никогда не имей ничего общего с Системой. Она сама по себе, ты сам по себе». Не то чтобы ненависть, но очень осторожное, неприязненное отношение ко всякого рода людям в погонах было растворено в моей крови, присутствовало на генном уровне. Бабушка не поменяла свою фамилию в силу того обстоятельства, что именно из-за нее она угодила в концлагерь. Из гордости не поменяла. Она считала это неопровержимым аргументом в пользу того, чтобы не брать при замужестве фамилии деда, у которого к тому же была первая семья и в ней уже взрослые дети. Не желая носить клеймо «детей врага народа», они поспешили от дедушки отказаться, и дедушка сказал, что не намерен давать своей дочери, моей матери, свою фамилию:

– Чтобы не пришлось больше отказываться от родного отца, – говаривал он, бывало, топорща свою бородку клинышком, а-ля всесоюзный староста товарищ Калинин.

Вот такой неслабый экскурс в историю. А как объяснить иначе мою неприязнь к этому Бирюкову? Я его и всерьез-то никогда не воспринимал и не разговаривал с ним и, кажется, даже не здоровался...

– Здравствуйте, гм... – откашлялся я, вспоминая, как там, черт побери, его зовут, Бирюкова-то. И не вспомнил.

– Привет, Макс, – бросил я Кирсанову и, не дожидаясь приглашения, сел. – Вызывал? У меня утром были траблы с тачкой. Зато теперь все хорошо, тачки нет и траблов нет соответственно.

Макс на мое приветствие не ответил. Он смотрел на меня и покусывал губы. И молчал. И Бирюков тоже молчал, но молчал выжидающе, ожидая команды, и он ее дождался.

– Юрий Владимирович, начинайте, – попросил Макс. – Я думал сам, да у вас, верю, лучше получится. В конце концов, это ваша работа.

– Спасибо, Максим Филиппыч. – Бирюков почтительно поклонился хозяину. Послушный пес, на тебе за службу медаль из кружка колбасы.

– Ну что, господин Картье, – обратился ко мне Бирюков, и под правым глазом его задергалась голубая прожилка. – Желаете, быть может, сами? Не дожидаясь, так сказать, вещдоков?

– Не понимаю... – проямлил я, чувствуя, как разливается в желудке противная, холодная, густая жижа. Так рождается ужас. Он наполняет изнутри, а потом выходит наружу сквозь поры и называется «холодный пот». Я не ждал, что все это случится именно так. Получается, что меня застали врасплох, не дали сосредоточиться, подготовить оборону.

– Как видите, Максим Филиппыч, клиент поплыл, – потер руки довольный Бирюков, и под глазом у него перестало дергаться. – Господин Картье, мой департамент, разумеется негласно, работал по вам два последних месяца. И, признаться, не напрасно. Удалось выяснить, что живете вы, мягко говоря, не по средствам.

– Хватит вам, – устало отмахнулся я. – Прекратите тут красоваться. Тоже мне монолог Чацкого. Мои средства вас не касаются. Макс, освободи меня от этого рыцаря плаща и кинжала, прошу тебя.

– Старичок, ты уже сам себя освободил. От всего. – Макс горько усмехнулся. – Твоими стараниями холдинг переплатил рекламным агентствам такую сумму, что тебе ее, по моим подсчетам, должно хватить до старости. Нагрел ты меня крепко, сволота, – вдруг рявкнул Макс и саданул кулаком по столу.

Все это было хорошо отрепетированным спектаклем. Они давили на меня вместе и каждый в отдельности. Макс улыбался иезуитской улыбочкой и на короткое время впадал в ярость, вновь принимался стучать кулаком, орать. Поведение

ние психопата. Бирюков гвоздил меня теми самыми «вещдоками», поэтапно, факт за фактом озвучивая длинную цепочку моих преступлений. Я, молча, слушал, безучастно смотря перед собой. Отпираться было бессмысленно. День продолжался, он стал точкой, в которой сошлись все лучи моей неправильной жизни, словно они прошли сквозь призму моих грехов. Какая циничная и строгая физика!

– Здоровье-то у вас крепкое, господин Картье, – рассуждал Бирюков, – как бы вам его часом не надорвать.

– Деньги нужно будет вернуть, Виктор, – Макс шелкнул гильотинкой, срезая кончик сигары. – Иначе...

– Что иначе? – встрепенулся я. – Грохнешь меня? Ты чего тут фарс устроил? Или считаешь себя честным человеком? Да ты сам вор, каких еще свет не видывал! В гольф он играет, видите ли! Лакей у него в перчатках, ковры персидские! «Роллс-Ройс» под задницей! Откуда все это?! Честно заработал, скажешь? Ах ты! Меня пугать не надо, сейчас не то время. Ничего я не верну! Мне нечего возвращать! Этот, – я ткнул пальцем в сторону Бирюкова, и тот оскалился, словно зажатый в угол волк, – бредит наяву! Он же сумасшедший, у него мальчишки кровавые в глазах!

– Скажите мне, товарищ Бирюков, – обратился я к чекисту, решив, что терять мне уже нечего, – у вас реально горячее сердце, холодный мозг и чистые руки? Особенно меня руки интересуют. Они что, действительно чистые? Или кровь на них имеется? Вы меня одним своим видом оскорб-

ляете. Ненавижу таких, как вы. Псы-опричники. Руку хозяйскую до кости зализать готовы. Номо servus, человек служивый. Ха! Такие, как вы, мою родню на каторге гноили. Моя фамилия Картье, я аристократ: белая кость, голубая кровь, и не намерен терпеть издевательства со стороны такого субъекта, как вы!

Набрав в легкие побольше воздуха, я, вспомнив повадки офицеров Белой армии, заорал что есть мочи:

– Молча-а-а-ть!

Это была самая настоящая истерика, я выкрикивал оскорбления в адрес Бирюкова, проклиная всех чекистов и его персонально. Наверное, выглядело это омерзительно, но возымело действие.

– Пошел вон отсюда, – неожиданно спокойно сказал Макс. – Иди, иди, я тебя отпускаю. Живи своей жизнью. Только бабло ты все равно верни, по-хорошему. Тебе Юрий Владимирович предъявит цифру, и ты уж ему все передай из рук в руки, а то я, при всем к тебе расположении, ничего не смогу сделать.

– Максим Филиппыч, но как же... – запротестовал Бирюков. – Как же это? Ведь я все приготовил, сейчас ребята подъедут из прокуратуры, раскрутят этого... Он же поплыл! Вы что, не видите? – Он с неприязнью посмотрел на меня. – На нем минимум две статьи и каждая лет на восемь. Он же сознался фактически! Нельзя его отпускать, Максим Филиппыч, просто так-то! А не ровен час он соскочит, ведь, шутка

сказать, сумма похищенного громадная! Его в клетке надо держать, а вы его на свободу?!

– Я еще раз повторяю, пусть валит отсюда. Он далеко не мудак, не соскочит он никуда. – Макс пристально посмотрел мне в лицо, словно хотел запомнить на всю оставшуюся жизнь. – Я тебе напоследок дам одно напутствие, Витя. Оно простое. Зарываться не надо. Крысить не надо по-тупому. Делиться надо. Все. Пшел...

Под мстительным взглядом Бирюкова я покинул кабинет. Макс смотрел в окно. Над головой его поднималось красивое колечко дыма.

*16 июня,
около 13 часов*

По улице шел человек без работы, и человеком этим был я, Виктор Картье. Я совершенно не представлял, что же теперь мне делать, и страстно желал получить хоть какой-то знак свыше. Что-то, что определило бы дальнейшее развитие событий, совокупность которых, окружающая человека, и называется жизнью. С детства я обладаю редким даром читать поэзию числа, видеть за цифрами нечто большее, о чем знают лишь люди с математическим складом ума. Я свободно произвожу в уме арифметические действия большой сложности, деля крупные числа вплоть до десятого знака после запятой. Эта способность перешла ко мне от деда-физика, и я всегда очень гордился ею, втайне считая себя не

лишенным гениальности. Нас окружают числа, мы действительно находимся внутри матрицы! Нет, я не сумасшедший. Во всяком случае, в моей медицинской карте такой недуг не зафиксирован. Иногда, в минуты острого стресса, я вижу мир таким, каким его представили однажды братья Вачовски, те самые, создавшие знаменитую кинотрилогию о Матрице. Все предметы состоят из сонма чисел, заключенных в условной форме, но чисел неуловимых, изменчивых. Можно уловить лишь некоторые. Мысленно осмотревшись по сторонам, я вдруг увидел ленту, бесконечную тикерную биржевую ленту. Во всяком случае, то, что возникло передо мной, было очень похоже именно на череду котировок с той лишь разницей, что названий акций я не видел, а по ленте, со скоростью курьерского поезда, проносились вроде бы ни к чему не привязанные числа. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле, они имели отношение ко мне. Я выхватил несколько ближайших чисел из ленты и стал «играть» с ними.

Мне 32 года, на календаре стояло 16 июня, а на часах стрелка недавно пересекла полуденную отметку. Машинально перемножив 32, 16 и 12, я получил число 6144. Число представилось мне невероятным, объемным, шарообразным многогранником, состоящим из 6144 граней, и я стал разглядывать его, поворачивая так и эдак, соображая, что с ним можно сделать. Я последовательно разделил его на ряд Фибоначчи, начиная с 8 и заканчивая 34, но в результате получил совершенно некрасивую дробь. Тогда я пошел самым

простым путем и превратил 6144 в 15, сложив все значения числа, а 15 таким же образом превратил в 6.

– Плохое число, что и требовалось доказать. Когда все плохо, то и числа выпадают черт знает какие... – приборотал я вслух и довольно отчетливо, так, что меня услышала впереди идущая девушка. Она обернулась, с интересом поглядела на меня и, видя, что я не обращаю на нее ни малейшего внимания, покраснела, отвернулась и ускорила шаг. Вскоре она исчезла, свернув в ближайший двор.

Шесть... Что же мне делать с шестеркой? Шестерка «докупает» число 666, а оно уж точно не сулит никаких радужных надежд. Поглядев по сторонам, я увидел заклеенный афишами забор. На одной из афиш под фамилией артиста красовалась надпись: «30 лет на эстраде». Махом я разделил 6 на 30 и получил 0,2.

В ларьке я приобрел бутылку пива, сел тут же, неподалеку, на низенькую изгородь и стал прихлебывать пиво, курить и предаваться унынию. То ли солнце напекло макушку, то ли вернулось ко мне мое самое нелюбимое из воспоминаний: шеренги идущих в пороховом дыму солдат, и я среди них, и висит на шее рогатый «калаш», гнет к земле... Вспоминается это дерьмо частями, и я, как ни силюсь, не могу вспомнить все, так основательно меня тогда потрянуло в момент взрыва. Я скрываю, что «я там был», от всех. Только скажи кому, и можно тут же поставить крест на карьере. Не любят у нас тех, кто был «там». Клеймо «психопат» и «вам отказано в приеме

на работу». А в моей нынешней ситуации такой довесок, как сведения о моей армейской жизни, вовсе лишние...

Докурив, я немедленно вытащил из пачки новую сигарету и полез в карман, чтобы достать зажигалку. Пальцы наткнулись на ключ от «Infinity», и тут я вдруг понял, что обязательно должен сделать какой-то ответный ход, вернуть этому дню хотя бы часть ядовитой сыворотки событий, так сильно отравивших мою жизнь. На мгновение мелькнула мысль, что после может быть еще хуже, но я немедленно отмахнулся от нее. «Что может быть хуже, чем остаться без работы и перспектив ее получить?» Наоборот, может случиться что-то позитивное, если я вмешаюсь в череду сплошных неприятностей, а не поддамся течению дня, который нес меня дальше, к новым неприятностям.

Пиво осталось недопитым, сигарета выпала из пальцев и покатилась куда-то, дымя, словно паровоз. Я убрал запятую между нулем и двойкой. Получилось «02» – телефон милиции. Остальное вы знаете...

16 июня,

14 часов 42 минуты

День приближался к трем часам, а я был уже очень пьян. Сидя в «Япоше» на Сретенке, куда меня унесли ноги после телефонного «теракта», я пил водку, изредка закусывая давно остывшими пельменями. Передо мной лежал телефон. Я выключил звук и безучастно наблюдал, как его экран то и де-

ло вспыхивает от частых звонков и сообщений. Я не отвечал, зная, что звонят люди, которым известно обо всем произошедшем со мной. Зная, что в лучшем случае я услышу приговорные соболезнования, переходящие в закономерный вопрос: «Старичок, а кто теперь вместо тебя? Может, познакомишь? Бизнес-то нельзя сворачивать!» «Да пошли вы все...» – решил я.

Я люблю напиваться вот так, в одиночестве, но находясь среди людей. Такой сценарий предполагает дальнейшие веселые приключения с участием окружающих. Можно запросто обратиться к соседу и навязать ему разговор «за жизнь», излить душу, наврать с три короба и, глядя на его испуганную, стремительно удаляющуюся спину, разразиться сатанинским смехом. Можно попытаться познакомиться с девушками, но это почти всегда в таких случаях напрасный труд, так как девушки (если только они не воровки на доверии) не любят пьяных. Можно разрушить идиллию какой-нибудь парочки, бесцеремонно вторгшись в их воркующий мирок. Воркующие парочки беззащитны, они сидят на насесте и обмениваются милыми глупостями, пощипывая друг друга за перышки. И тут, прямо между ними, на насест шлепается сильно потрепанный субъект с налитыми кровью глазами, нарушая всю томность воркования. Я сознательно опускаю тот факт, что вследствие подобных хмельных маневров можно (и так порой случается) огрести по полной: получить в душу, в шнопок, по печени, по хлебалу, по яй-

цам. Можно, конечно, чего уж там греха таить. Однако это не так уж «весьма вероятно», как кажется. Все дело в том, что пьяный вроде меня прекрасно чувствует, к кому можно прицепиться, а в отношении кого делать это противопоказано. Никто, например, не собирается в любом, даже самом крайнем состоянии опьянения лезть к бритоголовому качку, держащему в своих лапах руку своей подружки – инструктора фитнес-клуба. Огрести можно и от качка, и от девушки-инструктора. Качок скажет лишь:

– Мужик, ты чо?

А его подружка-инструктор посмотрит недобро. Все это прекрасный повод, чтобы сконфуженно извиниться и отойти от них восвояси.

Качков поблизости не было. За соседним столиком сидела парочка, между которой я не увидел ничего, кроме легкой симпатии. Кроме того самого непонятного мне призрачного союза, что носит название «дружбы между мужчиной и женщиной», когда женщина терпит этого самого «друга», относясь к нему именно как к другу, а мужчина уныло мечтает трахнуть своего друга-женщину, но не может по следующим причинам:

1. Где это видано, трахать друзей?
2. Все равно она не даст.
3. Она может обидеться.
4. По причине наличия платонической, неразделенной любви, которая устраивает мужчину в силу его маскулинной

несостоятельности.

Женщина сидела ко мне лицом и была мне незнакома. Спина мужчины вызывала смутные ассоциации, тонущие в водочном угаре. Я пытался выловить одну из них, и это мне в конце концов удалось.

– Кенстэньтан?! – громко, на французский манер обратился я к обладателю знакомой спины. – Ты ли это, дружище?!

Спина дрогнула, развернулась, и я увидел, что ее обладатель действительно тот самый «Кенстэньтан», а точнее, просто Костя Штукин, мой бывший сокурсник, институтский приятель, с которым мы не виделись лет, наверное, десять.

– Ха! – искренне удивился Костя, узнав меня, и лицо его сразу же перестало быть напряженно-выжидающим. Такие лица еще бывают у людей, которые рождены под знаком Весов и всю жизнь ищут что-то, а что именно, они и сами не знают.

– Вот тебе и «ха», – дружелюбно передразнил я приятеля и бесцеремонно переместился за его столик.

– Вот, Алена, – смущенно потрогав левый висок, представил меня Костя. – Это, видишь ли, мой давнишний друг Виктор, мы вместе учились в институте и...

– Картье. – Я протянул этой Алене руку, и она ответила на мое рукопожатие. У нее были красивые руки, очень ухоженные. Люблю такие руки.

– У вас интересная фамилия, – улынулась она. – Вы ев-

рей?

– Почему еврей? – опешил я от неожиданности. – Меня чаще принимают за лягушатника, за француза!

– Ну как же? – Она удивленно вскинула брови, посмотрела пристально, чуть помедлив, ответила: – Нет, вы не похожи на еврея. И на француза, впрочем, тоже.

– Это плохо? – развязно спросил я и подмигнул Косте Штукину, который, как мне показалось, немного заскучал. – Зачем вы спрашиваете?

– Так, – вновь улыбнулась она, – надо же о чем-то спрашивать у нового знакомого.

Костя пил пиво из высокого бокала, Алена сделала пару глотков воды. Я хотел заказать себе водки, но, глядя на Костину спутницу, передумал.

– В вашем обществе не хочется выглядеть еще большей свиньей, дорогие мои, – проникновенно сказал я и попросил зеленого чая.

– Ты чего это... такой? – Костя смотрел на меня с сочувствием. – Вроде не вечер еще, а ты на бровях. Не за рулем, что ли?

– В самое яблочко, – кивнул я, обжегшись чаем. – Черт, горячо! Еще и это до кучи! Нету у меня больше руля. Пал мой руль, так сказать, смертью храбрых, защитив меня собой.

– Понятно. – Костя немного выпятил подбородок, чтобы показать, как именно ему «понятно», и больше на эту тему

мы не разговаривали. Алена слушала наш разговор и, как ни странно, скучающей не выглядела. Мне даже показалось, что... Хотя мало ли что мне могло показаться в таком состоянии?

– Ну а с работой у тебя как? – продолжал Костя обычный в таких случаях «опрос».

– И работы у меня тоже больше нет. Изгнали. – И я ущипнул себя за переносицу большим и указательным пальцами и посмотрел в сторону. Так я всегда поступаю, когда хочу «замять тему», но Костя, похоже, ничего заминать не собирался. Он продолжил очень аккуратно выпрашивать меня о том, что я делал, чем занимался, и так продолжалось до тех пор, пока я, наконец, не спросил:

– А тебе что, так интересно все это? Какова, так сказать, цель твоих расспросов? Хочешь выразить глубокие соболезнования ввиду утраты мною не самого последнего в этом городе годового дохода? Не думаю, что у твоей спутницы это вызовет хоть какое-то любопытство, – усмехнулся я, постаравшись придать себе вид мудрого добряка.

– Это моя коллега и жена. По совместительству, так сказать, – добродушно поправил меня Костя. – Мы вместе пытаемся осуществить один проект и вот прямо здесь и сейчас этим занимаемся. Это хорошо, что ты нам попался. – Костя улыбнулся, показывая, что он немножко шутит. – Ты же рекламщик? Это-то как раз очень хорошо. Потому что я, например, программист, а Лена художник-аниматор и звукоре-

жиссер, и еще она умеет и знает много всего такого, чего мы с тобой не умеем и не знаем.

«Кто бы сомневался? Надо же, как я недогадлив! Она, оказывается, жена ему! Но почему? Почему я сразу этого не понял?» – перебирал я в уме вопросы, разглядывая вырез Алениного джемпера, но, конечно же, промолчал. Мне вдруг стало интересно, что будет дальше. Безработному всегда интересны такие разговоры, а я безработный с большой буквы, то есть без «золотого парашюта»: меня лишили накоплений, выбросили из бизнеса, из моей темы, и мне теперь интересны любые предложения, я готов ухватиться за всякую, хоть немного знакомую мне по содержанию понятную идею.

– Вам нужен фрилансер, вольный художник, чтобы придумал, как именно вы должны будете заработать ваши деньги? Сколько вы готовы заплатить за идею? Стоимость моего ужина подойдет? Я прямо здесь и сейчас отдам вам парочку присыпанных нафталином идей с антресолей моей памяти. Поверьте, они того стоят...

Меня понесло, я оседлал свою любимую хмельную лошадку, освоился и теперь полным рублем воплощал в жизнь задачу пьяного хама, мешающего отдыхать добрым людям. Однако Штукин еще в институте прослыл добряком: он с улыбкой встретил поток моего сарказма, и Алена, на которую я нет-нет да и поглядывал, тоже была настроена вполне, как мне показалось, благожелательно.

– Нет, Витя, никаких вольных художников нам не на-

до. – Костя Штукин приподнял ладонь над крышкой стола, кисть оставалась прижата. Получился этакий умеренный жест предостережения: не опасный, но убедительный. Я сразу заткнулся.

– Мы ищем человека, который бы имел связи на каналах, в СМИ, в интернет-бизнесе – словом медийщика с хорошими знакомствами, – благожелательно молвила супруга Штукина, и я вдруг понял, почему сразу не сообразил, что эти двое муж и жена. Между ними не было ничего общего! Обычно между супругами есть что-то такое, что позволяет их быстро идентифицировать именно как семейную пару, и никак иначе. Общее выражение лица, жесты, тот особенный взгляд, которым эти двое смотрят друг на друга. Наконец, люди, которые долго живут вместе, становятся в той или иной степени похожи друг на друга. Здесь же ничего такого и в помине не было. Рыжая девушка, из дивной породы «милых». Необыкновенно умные, очень красивые глаза, которые показались мне зелеными, впрочем, я не был уверен на все сто. Ее профиль был очень европейским, средиземноморским. Я сравнил его с профилем первой супруги Наполеона – Жозефины, который я видел на портрете в каком-то музее, кажется, в Лувре, а Жозефина была далеко не обыкновенной женщиной. У Наполеона, что и говорить, был отменный вкус.

Уподобив супругу добрейшего Штукина французской императрице, я как-то загрустил. Всегда обидно, что такая замечательная женщина не является твоей женщиной. В

нетрезвости это особенно сильно ощущаемо. У нее были немного тонкие губы, что, как известно, всегда означает у молодых женщин неумение готовить и высочайшую сексуальность. К тому же и грудь у нее была не большая и не маленькая, что мне всегда особенно нравилось, ноги длинные, бедра округлые (я специально ронял под стол вилку и нагибался за ней, так что все хорошо разглядел). Нет, такая женщина не храпит по ночам и ничем не болеет. О, этот счастливчик Штукин!

Я вспомнил свою жену. Получив штамп в паспорте, она стремительно обабилась и обветшала. Перестала делать мне минет. После рождения ребенка вела себя так, словно секс со мной был ей, мягко говоря, неинтересен. Она работала в торговой компании, и ее лексикон был таким же «торговым». Куда-то разом исчезли все общие темы для разговоров. Она ничего не делала, чтобы удержать меня возле себя. Частенько она возвращалась домой поздно и подшофе, объясняя это посиделками с подругой, но я несколько раз улавливал исходивший от нее запах чужого мужика. Я молчал, так как у самого рыло было в пуху, но главной причиной всякого отсутствия ревности было мое стойкое мнение, что такой женщиной, в которую превратилась моя подруга жизни, вряд ли хоть кто-то в состоянии заинтересоваться. «Мало ли, – рассуждал я, – может, танцевала с каким-нибудь потным Кузьмичом из офиса».

Поглядев еще раз на жену Кости, я вздохнул, полез было

за сигаретами, но передумал:

– Знаешь, Костя, как ни странно, я обладаю всеми из перечисленных тобой требованиями. Но ты же видишь, в каком я состоянии? Обездолен, бесправен, – продолжал я дурачиться, вспомнив жалобы какого-то бородатого боярина петровской поры из некоего кинофильма. – И пьян до невозможности. Да-с.

– Да вижу, вижу, – шутливо отмахнулся Костя. – Ты немного не в себе, и причина у тебя более чем уважительная. Правда, Леночка?

– Конечно, – кивнула эта рыжая, все больше и больше нравившаяся мне женщина. – Тут все понятно. А вы, Виктор, когда придете в себя, то вы нам позвоните. Дай ему карточку, Костя...

Вскоре они ушли. Костину визитку я убрал в бумажник. Когда Алена поднялась из-за стола, сердце мое забилося так часто, что я прикрыл глаза рукой, словно от яркого солнца. Глаза выдают все, что внутри, особенно глаза пьяницы. Фигура у нее была превосходной! И как только природа могла создать такое чудо, как эта рыжая женщина! Именно поэтому я так бережно сохранил телефон своего старинного приятеля, решив позвонить ему завтра днем. Зацепила меня его жена. «А рога идут всем, – пробормотал я. – Хотя мало кто догадывается об их существовании».

16 июня,

17 часов 54 минуты

Картье, Картье... Куда мне теперь? Домой? Пожалуй, да.

Я вспомнил о той эсэмэске, полученной от жены ни свет ни заря: «Надумаешь прийти сегодня домой – не удивляйся». Сюрпризам сегодня еще не конец. Как поэтически звучит!

Сюрпризам сегодня еще не конец:

Еще не пиздец, но скоро пиздец.

И будет смеяться господь наш отец,

Закапает с неба противный дождец,

Подаст вам депешу небесный гонец

О том, что на завтра объявлен пиздец,

И нету возможности съесть холодец —

Вам завтра настанет пиздец.

Бормоча подобную околесицу, я на извозчике добрался до дому, во время поездки поработав навигатором, так как мой возница был нездешним и Москвы не знал вовсе. Расплатился с ним, долго искал ключи, да так и не нашел. Вспомнил, что ключница, дорогая, от «Salvatore Ferragamo», осталась в перчаточнике «Infinity». Моментально взмок, расстроился, засопел. Именно в такой последовательности. Потеря ключей от дома – это всегда великая проблема. Может быть, они еще там, в машине? Вспомнив не внушающее доверия лицо Колобка-гаишника, я усмехнулся собственной наивности. Как бы теперь квартиру не обчистили. Придется менять все

замки.

Меня выручил сосед: открыл дверь подъезда, приложив к домофону ключ-таблетку. Я поблагодарил его, и мы вместе оказались в лифте. Демонстративно принюхавшись, он подмигнул. Спросил:

– Гуляешь?

– Вроде того, – неохотно ответил я.

– Есть повод? – не унимался любопытный сосед.

– Да так... С горя, – сознался я. – Проблемы навалились.

– Понимаю, чего уж там. Я вообще не знаю, как бы я себя на твоём месте повел. Может, взял бы ружье да и поубивал бы обоих, – более чем загадочно выразился сосед, и только я открыл рот, чтобы спросить, о чем это он, собственно, как лифт остановился на его этаже и сосед выскользнул из кабины, избавив себя от объяснений.

Ответ на свой вопрос я получил уже через минуту, после того как позвонил в дверь своей квартиры и мне открыла жена: раскрасневшаяся, словно с мороза, и дышавшая так часто, будто она только что пробежала стометровку за рекордное время. Она набросила халат прямо на голое тело, и этот факт меня почему-то развеселил.

– Привет, Лорик! Ты что это? Занималась йогой на полу?

– Нет, Витечка, йогой я не занималась, – отстраняясь от моего поцелуя, быстро выпалила она. – Я занималась более приятными вещами.

Только я хотел спросить, что это за «более приятные ве-

щи», как ответ был явлен мне в натуральном, так сказать, виде. Из нашей спальни вышел здоровенный накачанный чувак в трусах. Рожа у чувака была наглой. Кулаки у чувака были размером с пивную кружку. Помимо трусов, бугрившихся в паху, чувак напялил мои новые тапки, которые я сам еще ни разу не надевал.

– Это... кто? – спросил я, подразумевая, что вопрос адресован жене, но получилось, что он словно упал в никуда.

– Это Вадим, – с вызовом ответила Лариса и вся как-то напряглась, приготовившись к моей истерике, воплям – словом, к Скандалу с большой буквы, но я повел себя странно даже для себя самого:

– А что он делает в моих новых тапках? – Я устало приклонился к стене и даже не вздрогнул, услышав в ответ:

– Он будет здесь жить.

Вадим стоял в выжидательной позе. Даже и не поза это была, а стойка. Каратиста, боксера? Не разбираюсь я в этих вещах. Я и дрался-то последний раз в школе и из той драки вышел отнюдь не победителем. Куда мне против этого жлоба? Трех секунд не продержусь – вырубит с одного удара. Пистолет бы мне.

При мысли о пистолете мне так захотелось ощутить в руке его холодную тяжесть, так захотелось выстрелить и в жену и в Вадима этого, чтобы потом снять с него тапки в качестве трофея, что я глухо застонал.

– Витя, давай только без истерик и без сцен, – сразу же

отреагировала Лариса. – Можно все решить без эксцессов.

– Да, разумеется, – убедившись в том, что пистолет из воздуха никак не материализуется, согласился я. – Но раз здесь собирается жить Вадим, то где же тогда буду жить я?

– Ты разберешься, – стараясь сохранять спокойствие, выразительно произнесла моя жена. – Я собрала твои вещи. Вадим, будь любезен, принеси чемодан.

– Нет уж, не надо, я сам, – глядя, как напрягся Вадим, как снова он занял свою позу-стойку, я миролюбиво поднял руки. Так обычно сдаются в плен.

– Брат, расслабься, я не Рэмбо и биться с тобой не стану. Дай мне спокойно чемодан забрать, и живите долго и счастливо. Я без претензий. Лады? Договорились?

– Ннн, – неопределенно промямлил Вадим и чуть подвинулся, освобождая мне путь к чемодану.

Он стоял на полу посреди спальни: мой большой, старый и добрый «Samsonite», слегка потертый и с Т-образной выдвижной ручкой. С этим чемоданом я объездил много стран и обрадовался ему, точно старинному другу, ведь во всей квартире не было сейчас предмета более родного мне, чем этот чемодан. Я хотел спросить у Ларисы, где наша дочь, но понял, что все подобные расспросы нужно тупо оставить на потом, а сейчас просто поскорей уйти и постараться обойтись, как говорят в медицине, без патологий и обострений.

Лариса (я видел это) была обескуражена моим инфантильным поведением. Она, наверное, ожидала, что я устрою

дебош, утрачу остатки человеческого и тому подобное. Но нет. Я устал. Я был рад тому, что этот день так основательно разрушил все, что должно было развалиться рано или поздно: работу, семью... Пожелав жене и ее пихарю всех благ и объяснив, почему я не могу сейчас отдать Ларисе ключи от квартиры, я покинул свой, теперь уже бывший дом, не желая забивать себе голову предстоящим разменом квартиры. Оказавшись на улице, я прошел пару кварталов, везя за собой чемодан, потом сел на него и позвонил Маше. Она долго не отвечала, но я был настойчив и после десятого или двадцатого гудка я услышал ее голос. Звучал он немного не так, как обычно, но я вначале списал это на собственное состояние, на искаженное восприятие окружающего. Увы, я ошибся:

– Привет, Маш, как дела? А меня из дома выгнали. Жена, как ни странно, нашла себе мужика, и он теперь носит мои тапки. Смешно, правда? А еще меня с работы уволили, и я разбил машину. Вернее, не так. Я все тебе рассказал строго в обратной последовательности. Значит так, сначала я разбил...

– Витя, Витя! – Оказывается она уже давно кричала мне, звала, хотела, чтобы я остановился, но до меня как-то не сразу это дошло.

– Да, Машка, что-то случилось?

– Понимаешь... Как бы это тебе сказать-то? В общем, лучше нам с тобой больше не встречаться.

– Но почему?! Что случилось?!

– Я решила сойтись с мужем и родить от него. Мне уже пора рожать, а от тебя я не хочу. Прости меня, если сможешь. Мне с тобой было хорошо. Ты классный, такой веселый, но непредсказуемый. Я тебе желаю счастья. Пожалуйста, не звони мне больше.

И все. Повесила трубку. Зарезал меня этот день окончательно.

Прямо как был, не вставая с чемодана, я позвонил Косте Штукину. К тому времени я окончательно протрезвел, во рту был привкус земли, а голова раскалывалась на ровные, словно у разрезанного арбуза, дольки. Сбивчиво и хрипло я рассказал Косте обо всем, что случилось после нашего расставания:

– Костя, если ты меня возьмешь на работу, то это будет лучшее, что случится со мной сегодня и полностью уравнивает весь кошмар этого дня. Прости за фамильярность там, в кафе. Я не хотел, просто так вышло.

– Виктор, я все понимаю, ты можешь не извиняться. Завтра отдохни, а послезавтра приходи с трудовой книжкой. И учти, работы будет много. До встречи. – Ангел по фамилии Штукин отключился.

Долго смотрел на потухший экран телефона. Ощутил страшную усталость, и больше всего на свете мне захотелось сейчас очутиться дома. Где-нибудь в особенном месте, которое я смог бы назвать именно так.

Я вновь нанял не знающего Москвы извозчика, и тот по-

вез меня к моей маме. Вот кто будет рад видеть меня в любом состоянии и в любое время суток. Если женщина прощает мужчине все – это значит, что она его родила.

Веселые картинки в вашем телефоне

1

С Бирюковым мы встретились на следующее утро. Он позвонил мне в 6 часов, когда я сладко спал, заботливо укрытый маминым одеялом.

– Мсье Картье? – поинтересовался он.

– Кто это? – не понял я спросонок.

– Часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно причиняет благо, – бодрым голосом отвечивал эсбэшник. – Вы готовы добровольно сдать имеющиеся у вас не ваши ценности?

– Ах, это вы... – наконец дошло до меня. – Какой у вас трезвый рассудок, Юрий Владимирович, прямо зависть берет. Цитировать в такую рань из «Фауста» – это реально очень круто. Сколько же вы хотите получить с меня тех самых ценностей, которые вы называете «не моими»?

– Все, что хранится в... – И Бирюков с потрясающей точностью перечислил названия банков, в которых я держал деньги, причем указал, в каком именно и какая сумма лежит. Он явно читал по бумажке – спокойно, деловито.

– Н-да, – протянул я, действительно впечатленный уров-

нем его «работы». – Я никогда не питал иллюзий насчет сохранения банковской тайны в этой стране, но чтоб настолько... Признаюсь, что я поражен. Как это у вас все так точно сходится?

– У меня, как в лаборатории, – самодовольно ответил Бирюков, – все подсчитано и записано вплоть до времени работы каждого банка. Первый открывается в 8, придется вам поторопиться.

– Вы за мной заедете?

– Да я уже давно здесь, у вашего дома. А дверь стерегут двое моих ребят. В окно вам не сбежать.

– Да я и не собираюсь. – Я подошел к окну и увидел черный микроавтобус. Я точно видел его раньше перед нашим бизнес-центром, но никогда не думал, что это штаб-квартира Бирюкова. Удобный.

– Жду, – буркнул он и отключился.

...За несколько часов, проведенных в микроавтобусе я, как мне показалось, состарился. Здесь, помимо Бирюкова, присутствовали двое крепких ребят, похожих на узурпировавшего мои тапки Вадима, и человек в мундире прокурора. Человек этот время от времени внимательно поглядывал на меня. В конце концов, я спросил, что он делает здесь и зачем принимает участие в этом мероприятии, носящем, по моему мнению, сугубо частный характер.

– Я представитель Следственного комитета, – вежливо ответил человек в мундире. – И у меня есть ходатайство по

возбуждению против вас уголовного дела. Также я имею еще одно ходатайство, которое отменяет предыдущее...

– Прости, что перебиваю, Толя, – вмешался Бирюков. – Вы, господин Картье, благодарите Кирсанова за его невероятную к вам доброту. Если бы не это обстоятельство, то сидеть бы вам сейчас в камере с двадцатью гомосексуально настроенными уркаганами.

– Короче говоря, в том случае, когда я лично удостоверюсь, что вы сдали все, что было вами нажито незаконным путем, я вам оба эти документика отдам, и делайте с ними, что хотите, – подытожил прокурор. – Если человек раскаивается в содеянном и добровольно согласен вернуть украденное, то не к чему такого в тюрьму сажать, да еще и к гомосекам. – И он вдруг неожиданно подмигнул Бирюкову, а тот ему ответил в той же манере.

...Я все отдал. Все, что у меня было. После их экспроприации моя личная капитализация составляла триста долларов и семь тысяч рублей, что лежали в бумажнике. И все. Ну, пожалуй, еще немного на кредитной карте VISA. Прокурор действительно вернул мне два «документика», и я, не глядя, разорвал их в мелкие клочки. Бирюков не скрывал своей радости, сиял, словно начищенная мелом бляха. Интересно, сколько ему достанется от этих денег. Каков его интерес? Не может быть, чтобы он провернул такую работу за просто так. У меня появилось дикое желание позвонить Максу, уточнить, сколько именно, по его мнению, я должен вернуть.

Ведь быть такого не может, чтобы ищейки Бирюкова выявили все случаи моего взяточничества. Ведь без копейки меня оставили, суки! Рука уже потянулась было за телефоном, но я представил себе лицо Макса, как он сидит и покуривает, выпуская красивые колечки дыма, и расхотел не то что звонить ему, но даже и вспоминать о нем. Он теперь для меня небожитель, бог-олимпиец. Куда мне до него? Я и раньше-то был от него далеко, а теперь мы с ним люди из разных миров, которые больше не должны столкнуться даже с самой малой вероятностью. Богач и бедняк, принц и нищий, Золушка и... Сколько банальных сюжетов для великих книг, не так ли? Кирсанов и Картье: непридуманная, мать ее, история из жизни.

Пересчитав мои-не-мои деньги, Бирюков бросил в портфель последнюю пачку купюр, перетянутую желтой резинкой. Я на всю жизнь запомнил цвет этой резинки. Затем он как-то особенно противно крякнул, потер руки и, весьма довольный собой, уставился на меня:

– Ну-с... – сказал он, будто школьный учитель. – И что же вы, мсье, намерены делать дальше?

Мы сидели в микроавтобусе, двери были закрыты. Я не спешил отвечать ему. Вместо ответа попросил, чтобы меня выпустили. Зачем я им теперь?

– Ну что ж, – развел руками Бирюков, – на свободу с чистой совестью, как говорится. Эй, парни! Откройте там, пусть он идет.

Соскочив с подножки на асфальт, я сделал два-три шага, затем обернулся, увидел несколько пар глаз, насмешливо следящих за мной. Такие глаза бывают только у недалеких людей, для которых закрыто даже самое ближайшее будущее. Они только и умеют, что наслаждаться своим сиюминутным триумфом, совершенно не представляя, что он действительно недолговечен. Не знаю, что на меня нашло, скорее всего характер перегнул ситуацию в свою сторону, но только я остановился, выставил вперед ногу и крикнул этой своре:

– Эй вы! Спрашиваете, что я намерен делать дальше? Отвечаю! Жить я намерен! Жить так, как ни один из вас не умеет. Деньги – прах, их нетрудно нажать, и не в них счастье. Я в это верю, а вы нет. В этом разница между нами. Желаю вам, товарищ Бирюков, употребить бабло на пользу. Пусть вам даст развратная нимфетка пятнадцати лет, так хоть будет что вспомнить, когда вас хватит инсульт и вы станете ссать под себя. Пока!

И, не дожидаясь их реакции, которая могла быть для меня довольно болезненной, я очень быстро, не оглядываясь, ушел. Никто не погнался за мной, и никто из них ничего не сказал. Они позволили мне это «последнее слово», они знали, что так положено. Всегда давайте возможность высказаться тому, кого вы отправляете в свободное плавание на легке. Возможно тогда, именно в этом случае, он не вернется к вам с большой флотилией, не сожжет ваш город, не раз-

грабит его, пощадит ваших женщин и не предаст огню ваш
скарб – словом, не станет вам мстить. Поступайтесь малым
ради сохранения всего. Слово – пустяк. Пусть тот, кто пал,
скажет его и убирается ко всем чертям.

2

Офис Штукина меня не удивил. Примерно вот такое здание – бывшего совкового учреждения «Стальконструкция», ныне населенное множеством контор, конторок, конторишек, – я себе и представлял. Я вышел из троллейбуса, закурил и окинул взором длинный, серый пятиэтажный дом, в котором мне предстояло трудиться. Решетки на окнах, уродливый фасад, бесстыдно выпятивший плохо заделанные швы между панелями, местами ржавые подтеки. Чтобы хоть как-то прикрыть убогость, пятиэтажку окружили кольцом голубых елей, и они немного отвлекали внимание на себя, скрывая старческую наготу здания почти до второго этажа. На этом фасаде прекрасно бы смотрелся огромный намалеванный белым по красному лозунг «Мир, Труд, Май, Слава КПСС» или что-то в этом роде. Помусолив сигаретку, я двинулся к входу и после недолгих препирательств с дежурным барбосом в униформе очутился в вестибюле. Здесь стоял бюст почетного академика Шухова с гипсовым нервным лицом. Кажется, этот человек построил ту самую башню на Шаболовке. На этом торжественность вестибюля заканчивалась. Превращая его в предбанник, теснились вдоль стен аппараты по раздаче горячей еды, кофе, чипсов и шоколадных батончиков. Возле одного из вскрытых аппаратов стояли трое мужичков, вид у них был озабоченный. Один из них

был очень толст и держался несколько обиняком, а двое других чернявы, подвижны, беглоглазы. Открытый автомат являл миру запыленное нутро свое, где на транспортерах лежали упакованные в пластик готовые блюда. Прямо на полу перед аппаратом стояла большая белая картонная коробка, в ней разноцветные коробочки поменьше. Мне стало любопытно, я подошел поближе, так как с детства люблю всякую технику и страдаю вполне объяснимым у мужчин заболеванием – «желанием узнать, как же это работает».

– Ну вроде влезают ваши мозельские пироги, – с явным облегчением произнес один из мужичков, закончив копаться внутри автомата. – Сейчас попробуем разогреть.

Слова эти были, по всей видимости, адресованы самому молодому из трио, собственнику белой коробки. Вместо ответа он почесал массивный живот свой в области пупка, выпятил нижнюю губу и несколько раз кивнул.

– А, с-скаж-жи, с-сколько у н-них срок г-г-годности? – запинаясь на каждом слове, спросил третий.

– Пока замороженные, то девяносто суток, а после разморозки дня три, – как-то нехотя, словно делая одолжение, ответил молодой толстяк.

– Т-три дня м-маловато, конечно, – в скорбной задумчивости произнес заика.

– А вот бы дней десять! – подхватил его напарник, вылезая из аппарата и зачем-то потирая левую мочку. – А? Не заплесневеют они?

– Да хоть двадцать, – равнодушно бросил толстяк, – на упаковке все равно написано только про девяносто суток. А заплесневеть не должны вроде. Мы в офисе проверяли – при комнатной температуре их на месяц оставляли, так хоть бы что. Стоят. Чему там портиться-то? Химия одна.

– Раз так, то мы у вас будем покупать ваши мозельские пироги. По рукам. Хорошо, что здесь столовой нету, а сладенькое народ любит, – радостно потер руки «аппаратный» бизнесмен. Тот, который не заикался.

Заика же был, по всей видимости вследствие своего недуга, гораздо более минорен. Он скептически посмотрел на яркие упаковки, высказал что-то совершенно неразборчивое. Но тут я увидел Костю, быстро идущего по коридору навстречу мне. Завидев меня, он поднял руки так, словно фанател на хоккейной трибуне, издал нечто среднее между «йоу» и «вау» и ускорил шаг. Его поведение представляло собой разительный контраст с вальяжной манерой Кирсанова с его убедительным барством. И вот что интересно: мне гораздо более импонировала, более привычна была солидность Макса, то, как он отвергал всякое панибратство, чем вот такое наигранное, как мне казалось, дружелюбие. Не должен так себя вести начальник, иначе на плечах его быстро окажется седло, а уши вытянутся и покроются серой шерсткой: ни дать ни взять – Осел Ишакович Баранов собственной персоной. Нет в бизнесе демократии, и слава богу. Тот, кто этого не понимает и пытается заигрывать с сотруднича-

ми, очень быстро окажется в заднице. Чем больше ты даешь людям того, на что они не должны рассчитывать, тем больше они ненавидят тебя, ибо человек по-настоящему ценит только то, что дается ему нелегко, чего он достиг самостоятельно.

– Пришел? Вот и славно! Я все для тебя подготовил. Рабочее место около окна, компьютер, телефон – все тебя ждет. И, само собой, дел у тебя сразу же будет невпроворот. Ты готов быть заваленным работой по самую макушку? – трещал Костя, перескакивая через две ступеньки так, что я едва за ним поспевал.

«Какую хрень мелет этот парень, – с неприязнью подумал я. – Рабочее место, телефон... С самого начала такая скука, такой отстой! Крепчать надо, Витя. Доверие – актив, из которого нужно выжать по максимуму».

Ведь, в сущности, человек, доверяя кому-либо, принимает на себя все риски, в частности риск быть обманутым тем, кому он доверял, считая честным и порядочным. Таких не бывает. Никто не честен и не порядочен до конца. Впрочем, есть исключения. Все эти честные и порядочные люди изображены маслом на досках. Но им доверял тот, кого не стоит обманывать и пытаться «наколоть», так как при всех раскладах останешься не у дел. Костя Штукин не бог. Он мой работодатель. И он доверяет мне. Что ж, пусть так и продолжается какое-то время. Я смотрел на спину прыгающего по ступеням Кости, и ни капли благодарности не было во мне. Только расчет, честолюбивые планы и... конечно же его же-

на. Только ради этой прекрасной рыжей Елены я поспежал сейчас за Штукиным. Она была моей перспективой, моей целью, я решил добиться ее во что бы то ни стало. Ее муж – образчик хорошего парня. Женщины не любят таких. Они живут с хорошими парнями, но втайне мечтают о законченном негодяе, таком, как я. У хороших парней отношения с женщинами всегда складываются непросто. Штукин же скорее всего гордится тем, что он такой хороший, что привык доверять людям. Таким, как я.

Я так и представил себе, как он, посверкивая своей улыбочкой, с этакой милой мимикой хорошего парня рассказывает о том, что он доверяет своим сотрудникам, любит свою восхитительную жену, гуляет с собачкой два раза в день и прочее сладкое до тошноты бла-бла-бла. И при этом, говоря так, он невероятно собой горд. Между тем гордиться здесь нечем. От хорошего парня все ждут соответствующего поведения, к нему и требования соответствующие, так как ничего, кроме высокоморальных деяний, от него никто не ожидает. Хороший парень несет на своих ослиных плечах тяжкий груз благородства, ума, прилежания, совести, культурного остроумия. А затем его бросают ради какого-нибудь отъявленного негодяя вроде меня. Как говорится: «такова половая жизнь». Женщины любят законченных мерзавцев, это утверждение пребудет наравне с вечностью. И покинув своего хорошего парня, женщина, тая от счастья на груди только что в очередной раз как следует удовлетворившего ее мерзавца,

смеясь, рассказывает ему о нудных добродетелях прежнего спутника, брошенного ею главным образом еще и потому, что у хороших парней, как правило, не очень-то хорошо обстоят дела с потенцией. Слабоваты они, эти хорошие парни. Все их силы уходят на так несвойственные зверю-человеку доброту, доверчивость, вежливость и тому подобную чушь собачью. Тогда как мерзавец всегда может похвастаться отменной эрекцией и низменными душевными качествами, доводящими женщину до иступления.

– Вот, заходи. – Мы поднялись на пятый этаж, очутились в длинном коридоре, куда выходили многочисленные одинаковые двери с номерными табличками. Штукин достал связку ключей, отсоединил один из них и подал мне со словами «владей».

Пожав плечами, я повернул ключ в замке, открыл дверь, за которой оказался просторный кабинет на одну персону, и притом совсем недурно обставленный. Не в силах поверить, что это правда, я в нерешительности застыл на пороге. Костя шуточно подтолкнул меня в спину:

– Да заходи же, говорят тебе! Это теперь твой кабинет! Ты, небось, думал, что я посажу тебя в общей комнате с менеджерами по продажам или с программистами?

– Откровенно говоря, да, – сконфуженно молвил я, но внутри у меня уже радовался маленький гнусный человечек: «Вот и хорошо. Смотри, какой же он лох, этот Штукин. Такой кабинет...»

– Ну что ты, Витя, – проникновенно сказал тот. – Мы же товарищи! Я знаю, что ты привык к комфорту, что работник ты штучный, как говорится, и тебе нужны условия. Здесь тебя никто не станет отвлекать. Мой кабинет через стенку...

– А Лена? – вдруг совершенно неожиданно брякнул я и закусил губу. Дурак! Какая подстава!

– А Лена там, в конце коридора, с дизайнерами, – беззаботно ответил Штукин, не почувствовав в моем вопросе ничего криминального. – Вам придется много времени проводить вместе, так как ее работа неотделима от твоей и наоборот.

«Прелестно», – подумал я и пожал плечами, старательно притворившись, что мне, мол, все равно.

Фирма Кости Штукина занимала целый этаж длинного здания и, следовательно, считалась довольно большой компанией. Отдельные кабинеты были только у Кости и вашего слуги покорного, остальной персонал роился по несколько человек в своих комнатах, в каждой из которых был какой-нибудь отдел. Самой большой отдел назывался «дизайн-бюро», и Лена, фамилия которой оказалась не Штукина, а Ветрова, руководила этим отделом. В том, что Лена не взяла фамилию мужа, я сразу увидел для себя некий знак, счастливое предзнаменование, хотя, конечно, ничего особенно не было в том, что Ветрова не захотела меняться на Штукину. Другое дело, когда, например, какая-нибудь Тютюкина не желает становиться, скажем, Разумовской. Это и впрямь тяжелый случай.

«Smart-soft» занималась хостингом, импортом запасных частей для компьютерного оборудования и самого оборудования, его монтажом и наладкой, разработкой программного обеспечения для интернет-провайдеров и компьютерным дизайном. Множество самых разных людей, решивших бросить якорь во Всемирной паутине, обращались в «Smart-soft», предпочитая ее солидную репутацию демпингу многочисленных «шарашек». Костя всегда отличался особым умением сохранять старые связи и обладал предчувствием даль-

нейшей нужности того или иного человека. В институте они с кем никогда не ругался, ухитряясь со всеми быть в добрых отношениях, помогая по мере сил. Некоторые из сокурсников после выпуска предпочли государственную службу, с тех пор изрядно там продвинулись, выросли, сделали прекрасные, а в некоторых случаях по-настоящему блестящие карьеры. На отношениях с ними Костя выстроил свой бизнес, получив государственные контракты, выплачивая щедрую откатную мзду. «Smart-soft» сделала дизайн сайтам настолько высоких структур, что при одном только взгляде на ее портфолио, где значились названия газовых, нефтяных, государственных корпораций, у серьезного клиента пропадали всякие сомнения: «Да, это реальные ребята, надо начинать работать с ними». И работали, будьте покойны! Бизнес процветал, обрастал направлениями, Костя всегда держал нос по ветру, и его давным-давно интересовали возможности мобильной связи. На момент моего прихода в «Smart-soft» этот бизнес был в зачаточном состоянии, и мне предстояло вывести его на должный уровень, к чему я и приступил немедленно.

Свой первый рабочий день я начал с того, что повелел секретарше (молодая, румяная, полная противоположность той, что была у Кирсанова) приготовить мне латте и подать его с кусочком шоколада. Кофе оказался хорошим, молоко обезжиренным и пенистым, а шоколад правильным, то есть от «Lindt». С аппетитом поглотив все это, я отправился знако-

миться с новыми коллегами, не зная еще, в которой из комнат я смогу встретить Лену. Поэтому процедура знакомства чрезвычайно меня будоражила. Все ребята были довольно дружелюбно настроены, все «в формате», то есть не лошье, не быки и не дерьмо-пипл. Разумеется, что столь приятный моему глазу «неформат» никак не относился к бухгалтерии, где я увидел традиционно сосредоточенных теток без чувства юмора и затесавшегося среди них плешивого мужичка в костюме-тройке, на поверку оказавшегося финансовым директором и евреем.

Наконец, я добрался до дизайн-бюро и сразу же попал в очень тихую, уютную среду, где, царила абсолютная чистота, которая так не свойственна этим ребятам. Все сидели перед громадными яблочными мониторами, ворочали картинку, что-то добавляли, фотошопили, рисовали и сканировали. Лена прохаживалась по территории бюро, словно школьный учитель во время контрольной. Время от времени она заглядывала в монитор-другой и тихим голосом советовала что-то. С ней соглашались без споров, что искренне меня поразило, так как дизайнер – натура творческая, одержимая собственным гением и с чужим мнением считаться не привыкшая. Но Лена, похоже, пользовалась таким авторитетом и уважением, что ей отвечали коротким кивком и без лишних препирательств исправляли, дорисовывали, меняли цветовые оттенки.

Увидев меня, она, не нарушая тишины, показала мне в

сторону кабинетика за стеклянной перегородкой. Я прошел туда, стараясь не скрипеть и на цыпочках. Через стекло я наблюдал за ней, я рассмотрел ее так хорошо, как только было возможно в моем положении, и она понравилась мне окончательно.

Лена сочетала в себе несочетаемые вещи, сочетание которых так редко встречается в природе и называется... Называется... Не знаю я, как именно это называется, но Лена к своему высокому росту добавила каблук высотой сантиметров в десять, и юбка ее была не то чтобы сильно короткой, но именно такой, какой и должна быть юбка женщины, которой ни к чему скрывать свои ноги. Ноги... Ну что может быть лучше, чем та самая стройная, «пушкинская» пара женских ног, ласкающая сперва взор, а затем уж, если повезет, сильно сжимающая твои бедра? Я еще при первой встрече заметил, что грудь у Костиной супруги как раз любимого моего размера, то есть, по моим ощущениям, должна уместиться в ладонях, согревая их и передавая в мозг теплые волны возрастающего напряжения. Ее рыжие, выющиеся волосы чуть ниже плеч, сильные руки, ладони с долгими, восхитительными пальцами – несомненные признаки ума, сексуальности и породы. Стройная, с огромными лучистыми зелеными глазами, с невероятно красивым лицом, трепетной, нежной шей, которую я уже мысленно гладил, целовал, покусывал, ах!

Я с трудом отвел взгляд, перевел дыхание. Как же я не рассмотрел всю ее раньше, тогда, в первый раз? И возмож-

ностей-то было больше, благо сидела она напротив! Водка и депрессия затмили мне глаза? Вряд ли... Тут иное. Табу на «чужую жену». Не мое, значит, и смотреть нечего. Но это было тогда, а сейчас... Сейчас я втерся в доверие и намерен был выжать из этого все, что только можно. Я уже член команды, так что мешает мне стать членом семьи? О, какая же неблагоприятная свинья, не так ли?

По моим наблюдениям (а я кое-что вижу и понимаю в физиогномике и в анатомии), так вот, по моим наблюдениям Костя Штукин был слабым любовником и такую женщину, как Лена, полностью удовлетворять не мог. «Впрочем, – подумал я, – все эти измышления могут разбиться о бастион ее морали, и тогда нечего и мечтать стать для этой рыжей женщины ее «особенным человеком». Я избегаю слова «любовники», чем-то оно мне не нравится, а вот «особенные люди» – это как раз то, что нужно. Из любовников, как правило, дальше уже ничего не получается, а вот, когда отношения между людьми превышают по своему качеству это банальное название, то любовники становятся друг для друга «особенными людьми», и здесь вероятно все, что угодно, любой вариант развития событий вплоть до создания семьи. Когда женщина рассматривает тебя как своего будущего, вероятного мужа, она сделает для тебя все на свете.

Поток моих размышлений был прерван. Лена распахнула дверь в кабинетик и застыла на пороге, вполоборота ко мне, продолжая давать какие-то указания дизайнеру – лохматому

и большому, словно медведь, мужику с умными глазами и не вязавшимся с его могучей внешностью надтреснутым тенорком. У Лены был красивый голос, почти чистое сопрано.

– Осваиваешься? – запросто спросила она, очутившись, наконец, в опасной близости от меня: нас разделял только ее письменный стол.

– Да как тебе сказать? – в тон ей начал я. – Все привычно, я вполне в своем формате здесь, люди все приветливые, никто не косится, все, как мне кажется, хорошо.

– Вот и чудесно. – Лена легко развернула ко мне огромный футуристический монитор «Apple» и вдруг, внезапно подмигнув, спросила: – Начнем? Ты готов?

«Скажи мне «да», и я полезу под стол, – подумал я. – Я знаю твой вкус, он уже у меня на языке, и от этого стучит в висках и в солнечном сплетении делается жарко».

– Да, разумеется, Лена, – произнес я так, словно был пробитой шиной, исторгавшей остатки воздуха.

– Вот что мы хотим сделать, и уже даже делаем, пробуем...

Лена поводила «мышью». На огромном экране появлялись окна с картинками анимации, играми, зазвучала какофония из музыкальных файлов. Всю эту дребедень я, разумеется, давно уже видел. Моя неверная жена, подарившая мои тапки своему Вадиму, закачивала в свой телефон разные подобные штучки. У нее в трубке жил мурлыкающий котенок, лаял щенок, вместо звонков раздавались отрывки из попсовых песенок и тому подобное.

– Мобильный контент, – хмыкнул я. – Знакомая штука. Моя бывшая была активным юзером. Хотя почему, собственно, была? Она им и остается, и, как мне кажется, ее новый бойфренд делает это as well.

Лена удивленно посмотрела на меня, и... она настолько очаровательно выразила свое удивление, так искренне у нее это получилось: мимолетный поворот головы, мимика лица, которой позавидовал бы любой большой актер, взгляд ее прекрасных глаз, от которого у меня начало ныть сердце. Я сосредоточился на ее губах, это была словно съемка рапидом, то есть в замедленном режиме. Ее рот приоткрылся, обнажая белые, сахарные зубы, она о чем-то спросила, и я не сразу понял, что это был ее вопрос, адресованный ко мне.

– Извини, я не расслышал, – пожал плечами я, – я немного отвлекся. Повтори, что ты сказала?

– О, прости, – Лена выглядела немного смущенной. – Я полезла не в свое дело. Просто я удивлена, что у тебя, оказывается, такая ситуация. Позавчера мне показалось, что в твоей семье все более-менее в порядке. Ты же рассказывал, что у вас ребенок и все такое...

По этому ее «ребенок и все такое» Виктор понял, что детей у Лены нет и она их хочет, но в силу каких-то там особенных причин пока не может себе позволить. Каждая женщина хочет, чтобы у нее был ребенок, поэтому так часто можно то там, то здесь услышать «родила для себя», «родила без мужа», «мужа прогнала, зато ребенок есть» и тому подобное,

жизнейское, жизненное, вечное. Автор этой книги, незаметно для читателя взявший на себя роль рассказчика от первого лица, не понаслышке знаком с таким положением вещей и считает его вполне приемлемым. Человек не зверь, и в то же самое время он зверь до костного мозга. Зверь в том, что испытывает могучее желание оставить потомство, зверь в том, что может бросить, оставить его на произвол судьбы, но это чаще о мужчинах, а женское, великое чувство материнства – это не звериное, ибо звери лишены способности любить. Женщина, любовь и материнство суть яблоки с одного дерева. Те из женщин, кто не реализовал своей задачи и не стал матерью, обречены идти во мраке и никогда не увидеть подлинного солнца. Того, что наполняет душу светом. Карьера, тусовки, друзья, свои и чужие хлопоты – только тогда все это имеет смысл, когда вы можете продлить этот ряд словом «мой ребенок». «Я должна забрать ребенка из детского сада», «я купила ребенку новую рубашку», «я вчера ходила на родительское собрание»... В глазах рыжей Лены я прочитал все это, и хоть был совсем никудышным отцом, но в душе шевельнулось что-то большое, округлое, словно там мгновенно надули футбольный мяч. К горлу подошли слезы. Я вспомнил свою трехлетнюю дочь, вспомнил, что за все это время, быть может, всего два-три раза с ней повозился и лишь однажды погулял, неумело толкая перед собой детскую коляску.

– Да, у нас и ребенок и все такое, – сдавленно ответил я. –

Но еще позавчера днем я назывался мужем в настоящем, так сказать, времени, а теперь только в прошедшем. Дочь она мне, конечно, не отдаст. Да и какой из меня отец? Лена, мы зашли куда-то не туда, по моим ощущениям. Моя личная жизнь, дети – все это как-то не актуально уже. Давай лучше о проекте. В чем суть и что от меня требуется?

Я лишний раз убедился, что красивый человек красив во всем. Лена так изящно положила передо мной буклет, так изысканно раскрыла его, перелистала, нашла нужную страницу и грациозно указала длинным своим пальцем на колонки с цифрами:

– Это наш рекламный проспект, как видишь. В принципе здесь все то же самое, что и в моем компьютере, только красиво и убедительно сверстано. Бизнес, которым я... – она осеклась было, но тут же поправилась: – мы пытаемся заниматься, называется контент-провайдинг.

– Мерси за ликбез, – улыбнулся я. – Я догадывался, что именно как-то так он и называется.

«Не зря она сначала сказала «я» вместо «мы». Значит, во-первых, у нее амбиции, раз она считает этот проект только своим, а возможно, что именно так оно и есть и это целиком, от начала до конца, ее идея. Но есть и во-вторых, и это мне гораздо важнее. Это «я» означает ее желание дистанцироваться от мужа и пусть пока это лишь в профессиональных отношениях...» Я поморщился, подержался двумя пальцами за переносицу: «Дурак. У женщин нет деления на «про-

фессиональное» и «личное». Если она так проговаривается, то в душе она и впрямь уже не близка с мужем. Значит, у меня есть шанс. Хороший шанс. Здесь сейчас все будет зависеть только от моих способностей, а я способен, это несомненно. Женщины ценят силу мысли. Если она увидит, что я пружина как танк в бизнесе, она поймет, каков я в любви. Она уже сейчас чувствует это, но у нее это в виде кома ассоциаций, из которых еще только предстоит выложить мозаичную картину, где будет все. У меня позади ничего нет, мост в прошлое сгорел, а в будущем надо адаптироваться и окружить себя только самыми лучшими чувствами, людьми и впечатлениями».

– Волшебно. – Она улыбнулась, и я, наклонив голову так, чтобы она не заметила, оближал сухие губы. Улыбка у нее была необыкновенная, когда она улыбалась, то улыбалась как-то вся, всем лицом, из глаз брызгали смешинки, кожа на лбу собиралась в легкие, едва намеченные морщинки, брови ее чуть приподнимались, мило изгибаясь. Господи, боже мой, и все святые угодники, сколько бы вас там ни было, что это была за женщина! Я с удивлением отметил, что ощущения, привычный порядок чувств, состоящий из несложных оттенков похоти, куда-то валится, рушится, словно шаткий и жалкий плетень на ветру. И ветер этот, чистый, свежий, непознанный, одновременно ошеломил и восхитил меня. Это ветер любви. Он наполняет легкие, преобразуясь в пьянящий, разом заполняющий душу нерукотворный свет. Ничего по-

добного я никогда в своей, в общем-то, жалкой, обделенной великим чувством любви жизни не ощущал.

– Итак, мы одни из многих, кто рисует вот такие вот картинки, делает мелодии, пытаясь соблюдать авторское право их исполнителей, чего почти никогда не удается сделать. – Она сопровождала это признание коротким смешком. – И мы хотим стать лучшими и первыми. Авторскими правами занимается юрист, он контактирует со всеми этими «обществами по защите авторских прав», которые ни черта не защищают, а только, в свою очередь, паразитируют на авторах. В этом, не побоюсь этого слова, аспекте ты нам не интересен. А вот что касается достижения призового места, то, по нашему с Костей коллективно-семейному мнению, ты как раз та самая призовая лошадка, которая нас к этому месту с комфортом доставит. Уж прости мне мой бизнес-цинизм, но что есть, то есть. Знаешь, я привыкла называть вещи своими именами. Мы тебе платим, ты на нас работаешь. Лидерство в отрасли – это та цель, которую мы рассчитываем достичь с твоей помощью, Витя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.